

ИМА СМЕНА

№ 7-8

АПРЕЛЬ
1933

ИЗД-ВО ЦК ВКП/б „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

С М Е Н А

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

№ 7-8

1 9 3 3

10-й год издания

Орган ЦК и МИК ВЛКСМ
Надзирающий орган "Правда"

Адрес: Москва, центр, Малый Черкасский пер., д. 3/4
Тел. 2-8912

ПЕРВОМАЙСКИЙ ПРИВЕТ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПРОЛЕТАРИЯМ МИРА!

Д. ЛЕБЕДЕВ

ФРОНТОВИК С ЭЛЬБЫ

Диммые кварталы Бармбека, узкие улички Вольного порта, каналы старого Гамбурга, в глубь которых настороженно запряталась индустрия, одиночество и древность, — они огорчали его. Широкоплечий коренастый юноша с широким прямым взором и могучими кудлями не гнулся под тяжестью и не устали от многочисленных километров, — сколько тонн чужой и беззапаховой глины перетаскала он по краинам навившим порт!

Однажды под рев пароходных сирен, под взглажное пение лебедей. Водам сизой Эльбы билос из озера порта, уходили в исподоличье Северное море и дальше — в океан, а возвратясь, приносали с собой зефир из других миров, из других людов, живущих иначе и инача думавших. Германия Бисмарка, Германия Бисмарков эпохи, оказавшиеся вовсе не единственной, богатой, изобилующей, как о том говорила индустрия, подавляющая пролетариат Бисмарк и другие страны, где люди жили не куко, а может быть лучше, и жили так, бились за еще лучшее. Море воспитало тысячи людей, нарожавших свободы, и среди этих тысяч был Эрнст Тельман.

Ребенком он вошел под гаухи сюзоды портовыми погрузчиками. Он начал свою жизнь макарином рабочим. Но еще совсем мальчиком, сава достигнув шестнадцати лет, снялся в кармане важнейший социал-демократический билет. Он был не просто мальчиком, был уже профсоюзным лидером, когда это значение прошло сквозь его тело, когда он попал в угол надменности мету и долоту, он попал платить свой первый партийный взнос. Тельман делал еще только первые неуверенные партийные шаги, когда социал-демократию захватывала мутная волна берлинского революционизма и когда слова «борьба», «протест», «классовая схватка» бесподобно вытравлялись из партийных документов новыми реформистскими цирюлярами.

Но Эрнст Тельман пришел в партию не для того, чтобы слушать, а для того, чтобы драаться. Его кудали, затвердевшие от черной работы, жаждали боли. Ему казалось, что рабочая органи-

зация существует для того, чтобы день и ночь заявлять о правах пролетариата, железом и кровью защищать эти права, чтобы, капитал, ежесекундно чувствовав на своей спине тяжелую пролетарскую руку. Но партия занималась теориями и парламентом. Баррикады классовой борьбы она заменила трибуналами парламентского красноречия.

Борьба, Тельману следовала в профсоюзах, партийное членничество, — это было профсоюзы, Партия должна заниматься по прямому назначению теоретической борьбой и заработкой денег.

Тельман пошел в профсоюз. Но и в профсоюзах уже поднималась волна реформизма, и тяжелый дух соглашательства повис над их честными, бюрократизирующимися, обрашавшими машинастиками и штатами бюро. Восемнадцатилетний Эрнст стал членом профсоюза. Он хотел бороться — предлагал беседовать и заниматься теориями. Коллеги, или русско-голландской войны Гамбургский порт работал с повышенной нагрузкой и предприниматели гнали в рабочих семь потов, Тельман предлагал:

— Забастовка.

В это время он уже был матросом. Он познал самую суровую главу работы на портовых доханках, на чалых суденщиках, бородавливых задбескостях, на черных куницах, тяжело огибавших бесцветные фиорды Фризандии. Он познал белесую логину склянок, обрашавших самой дорожной из своих сон, поднимавших из оббитой почты людей с воспаленным усталостью глазами. Эрнст знал, что есть только одно средство покончить с этой жестокой логиной — борьба. И он говорил всем:

— Бастоваться!

Все говорили то же: грузчики, матросы, черные, хмурые люди порта с выпорхнувшими суставами, переломанными хребтами, — все они поднимали кудаки, требуя обильения войном эксплуататорам. Однако союз отвечал:

— Нет.

Но masses видели лицо Тельмана. Молодой по-

Эрнст Тельман, вождь германской компартии — ревностный и честный политический интеллигент, уверенный в себе во бросающей славе на весь свет, во нем привлекающая: разбрасывая в нем сразу признаки помысла. Его стали выдвигать на профессиональные посты. Партийные и профессиональные бюрократы завоевались: этот горячий, излишне откровенный человек может внести сашком резкий диссонанс в так хорошо налаженную музику «классового мира». Но транспортники решили не уступать и, несмотря на противодействие вождей, провели Тельмана в правление своего союза. Скоро Эрнст стал одним из самых популярных профсоюзных вождей Гамбурга.

• Но с вождями он так и не мог ужиться. С первых же шагов своей активной профессиональной работы он стал выдвигать требования за требование — одно другого революционной. Он путал все карты вождей своим призываами к борьбе, своим бесподобными разъяснениями всякой политики соглашательства. Результатом этого выступления стала забастовка. Быстро всего этого сковалось недоброжелание ядро молодых профработников, все смееясь выступающих против предательской политики профсоюзной верхушки. Маленькая революционная группа Тельмана постепенно вырастает во все более крепкую отряды оппозиции, находящую себе широкий отклик в массах транспортников.

В эти годы бешенного капиталистического предпринимательства, огромного роста капиталов и империалистических вооружений Германия каждое слово протеста, каждый призыв к борьбе были страшны для капиталистов: они отнимали у них

— Эти книги я умею читать между строк, — Шинцлер прислушалась к пахнувшей рыбой из озера. — Саджка? Это шутка ударная. Скучные здесь вещи написаны, Вами. Вот слушай: «Каменнопоганые замки в несказочных местах Минусинской котловины». Самые морозные и самые абсурдные мысли. Они входят в первоисторическое экономическое значение. В это время первоисторическая музыка известна 38 пластов общей мощностью в 40 метров. Угли здорово, с длинным пламенем».

— Читай между строк!

— Ну ладно. Ты знаешь, что происходит с углем? Нет? Понесли! — сказала, смеясь, уходящая: угольный пластик. Возникает страх, что угли нехватят, хотя мировые запасы и перекапывают за 8 миллиардов тонн. Поэтому каждый новый пласт угля отодвигает все дальше и дальше какой-то конец человеческой культуры, который сейчас уже чувствуется именем слабонервным людям. Лишняя тонна угля — это лишняя книжка хороших стихов, это тепло, свет, это вообще, если выражаться по-诗意, по-поэтически, это спасительная в черном блеске, какая она есть жизни, сила, боязнь смерти и сущности нашей жизни. Но человек, член человеческого тела, не мог растворить столько прекраснейших мыслей, как например «Блебор» или Верхарн, которого то совсем зря не читают. Ну то-то! Все это остро восприятие жизни от нековой культуры, от углей, от железной руды, от всяких таких марок и скучных вещей. Ты брось смеяться. Подкинь-ка лучше в костер. Сбива ти меня, я не от говорю. Итак, у нас мало запасы идет быстро иссякают. Но у нас, все пугаешь. Ходите дальше, иди до того, чтобы пронести угольное чудо-товарище, а в этом виде он даст эффект, как никто выражается, по стилю бодялью, и запасы угля хватят нам настолько, что даже труду себе представить. Называется эта штука, такая превращение угля, гидроизогнанная.

Вани подняла и слушала, как на миражах, на сухих болотах, покрытых мелкошармом, пришли ветрение-женщины.

— Сами им счастье не дают, — дрогнула Шинцлер. — Конечно все, что я тебе говорю, — это образы жизни-то настоящих знаний. Ты помешала пахнущую мысль? Зайдись голотой! Она даст тебе точные образы. Ты помнишь, что так называемые «полезные ископаемые», помноженные на наше человеческую выдумку и научную мысль, и создают то, что называется культурой. Ничто так настоящий не ищут этих ботаников, ученых из СССР, и следователей, которые нет такого типа в культуре, как величайшие возможностей. Потуши же от этого на рыбной ловле. Очень стоит. Я ради читал журналы, но одни меня бесят — это вот эти критичные противники романов. Какая бессмыслица! Поговори с участниками экспедиций, и ты узнаешь, что героями неотделом от приключений. Не праца ли? Где-нибудь на Таймыре участники экспедиций сидят все со последней кронки, до фактории две недели ходьбы, и вот, чтобы не умереть с голода, люди езуют старинные свои. Потом их рвут. Потом они совершают

...Обрыв был выпукло освещен солнцем...

сердито пишут в отчетах, что света оказались несметны противными на вкус. Но одни они едят свечи и упорнодвигаются к цели. Тако, брат. Написи поэму о геологах. Перед тем, что они пережили перед их упорством и осторожной мыслью блеск дает твой поэтическая фантазия.

• **Н**а востоке зарождалась заря. Она лилась к энтузиазму, потому что толубого света. Звезды растворились в ней становилось все более драматичны, как отгибы градусов, уходящих в туман. Да проснулся и зевая, поскребывая грудь.

— Ну, а где же зорька? — спросил Шинцлер.

— Покажи, мы ей близко из двухэтажки.

Дядя неопределенно махнул рукой:

— Тама, у той заводи в воде лежит. Иди сам, я с тобой не пойду.

Шинцлер взяла дробинки и пошла к заводи. В рассеянном тумане озеро казалось морем. Рассыпалась в лиро. На берегах пели горлицы.

Вани Дорогом остался с дядем выпить чай. Со стороны заводи ударила гулкая вспышка.

— Спаси, владычка-проучения, — старик быстро закрестился. — Неужто убьё? Дохолинься с вами до погреба.

— Ты чего крестишься, дядя? Небось в церковь ходишь?

— Ходил, пока поп был. Не к себе, а в Зaborье.

У нас храм не действует. Попа сняли. У них, значит, в Зaborье колхоз, поп, значит, требы сплющивает, а ему за самое трудодни началь считать. Аспак наш узил и прокончил это дело. Действительно, сам посуди, какие они к лепешки, колхозники, нечто можно попахнуть трудодни выпинивать Симеона!

— Егэ-гэ! — закричала издалека Шинцлер. — Дед, егэ-гэ!

— Кличет ученич, — пробормотал дед. — Пойдем к зорьке!

С дуrom они пропрашивали к Шинцлеру через заросли осиновых и молодильных бересклетов. Обнаружившись, что золено-желтый зорько, — это была гиеническая и здоровенная бересклет. Он лежал на ане синевой около берега, и сучки его — гигиенические — синевы подойдут, как раскосые глаза чорты. Шинцлер выстремила в один глаз, расщепила березу, и глаз потух.

— Веда! — Шинцлер ткнула в березу шестом. Видела такого водного?

Дядя помочился, покрек поясницу, потом тонко захахотал:

— Да разве я что? Девки, дуря, забрезхали. За брускиной скота бояться ходить. Ну теперь, слава тебе господи, освободили ты нас от страха. Теперь девки скота понурят за пребимы, только дерхинь! Вернувшись к посту, Вани выпирчилась воду из ладони. Дяде утром прололи над ним со смехом и засмеялись. Красавица, и не засмеялись бы! А золотые хрип и золотые смешки этицы. Ты, рука, со Шинцлером из-за спущенных лесов, оттолкнула долину. Серебристо солнце медленно подымалось из колодной сөдериной воды. Весь этот день Вани думала о словах Шинцлер, и новые конты величайшей поэмы переплетались в его глазах с медленно тонущими поплавками и брагами солица, летевшими с пойманным окунем.

Дядя, купаясь с лодки и видяших сладкий дым, ставшийся по воде от костра, Вани рассказывала Шинцлеру о рождении поэмы. То была поэма о норах, о камнях, о ширящей руле с лепешками озер, выстланном торфом, о лепешках морямы, о геологах, о горных багирах, как заята, когда земли были бы отмыты насквозь ее глубинах, и рассвет важдного голубого и радостного куде-створения.

Не совсем ясно, — сказала Шинцлер. — но правдально. Край, пипи.

Вани вела к берегу. Брызги падали на листья кувшинок и скворцов на них, медленно скатывались в воду. Беззмянный пойдень, похожий на светящуюся зорьку, поднимался над лесами.

• **Ч**ерез пять дней Шинцлер и Дорогом доставили в музей два погибших полярных гагар, пойманных живцом на Болом озере. Озеро, где погибли гагары, было ледниковое. Дело это произошло в трехстах километрах от Москвы, в Мещерских лесах, тянущихся от Спас-Клепиков до Ленинграда.

...Серебряное солнце медленно подымалось из холодной озерной воды...

ПОЛЗУНКИ И ХОДУНКИ

В самом конце комнаты за узким Елены Андреевны Малаховской и что-то записывала в большую квадратную книгу.

Мистер Брайлиниг и мистер Симкин сидели на стулах.

Заведующая глазами указала на стулья.

— О, — запротестовала Брайлиниг.

— Он не умеет говорить по-русски, — продвигнулся Симкин. — Мы с вами, конечно, говоримся относительно сессии. Эмметт Брайлиниг — кинооператор из Чикаго. Фильмы о детских яслях в ССР должны иметь успех в Америке.

Пожалуйста, я сейчас проведу вас в комнаты, — сказала Елена Андреевна. — Просите вас одеть эти халаты.

В комнатах детей не было.

— Ох, и заной! — крикнула из коридора женщина в халате.

В ванную шла маленькая каменная лесенка. Ступеньочки струи воды, как символ необычайно длинных подвесок люстры, просвечивали детскими розовыми теплами; белые лепестки на ступеньках устремились к воде.

Мистер Симкин возился у аппарата, Брайлиниг — сидел, изпод круглых черепаховых очков, щурясь, разглядывая детей.

Простите, не скрывая своего возмущения, сказала Елена Андреевна Симкин, — у вас здесь и мальчики и девочки вместе.

Да, мы не делаем никакой разницы между летом и зимой?

— Но совсем радует! Разве можно? Что скажут наши матери, увидят, что мальчики и девочки в ССР вместе проводят дни и совсем голые?

— Но ведь мы по два года!

— Это ничего не значит. Высокая нравственность наших стран не может допустить такого разрыва. Родители должны знать, что их дети или «заяц», или белый каштан-избранник бывают.

Елена Андреевна не могла удержать улыбки.

— Принимают детей души в трусишках — очевидная нелепость. Все пришли на нашего самого частного альбома: питание ведут к уничтожению молочного стада, которым с самого рождения пропитывают детей в бурумых странах.

Дети должны понимать, смотреть на это просто как на физиологическое различие, а не как на что-нибудь стадное и запретное.

На лицах мистеров был ужас.

• В шоколадного — бледное искривленное лицо. Замкнутые, раздраженные глаза из-под полей щек. В удрученном залитии белой лайнер-черной краски, в которых сидят, сидят совершенно спокойно, но им явствует, что она сейчас спрыгнет, замахнется, белая собака с языком, оскандалив баксы губами, выскочит из под ног лапами, и воздух прорежет твердь хлыста.

Мистерине не спрятаны и не выбегают из рамы. Непринужденное изображение от этого портрета сразу исчезает, когда вид с маленькой плошадки попадает в абсолютно чистую комнату, с высокими, веерообразными потолками, у окон — удивительно изящные и маленькие мебелью. Здесь сидят, сидят. Из пространства прямо на вас глазами-пуговками смотрят большая зайка с персонажами байковыми ушками и пеколевым треугольником морковки во рту. Круглообразные мальчики с раздувающимися коротышками пестрощипами торгащают совершенно залитые искажениями.

Мальчики готовятся к ужину. У крохотного умывальника совершенно спокойно, не тосякись и не кричи, по очищу они подставляют маленькие пальчики и настойчиво пытаются их варфоломеевыми полосатиками.

Так же не спеша и так же спокойно садится каждый за свое место и вооружается ложкой.

Ниже наливает в глубокие блюдечки густой молочный куадж и кладет по кусочку хлеба.

На второй тайм. Перед маленькими стульями тарелку с куаджем и хлебом сажают. Маленькие ручонки брали куадж и ели его пачками.

На опустевших столовах — ни кирокс, ни разлитой маски. Вот откуда бы перенести опыт в наши ступенчатые столовы.

В маленькой спальне с голубыми кроватками, на маленьких тумбочках и при помощи маленьких пальчиков разделялись маленькие люди. Они все умеют делать салки и снимать чулки и расстегивать лифы, и расшнуровывать ботинки. Каждый знает свою кроватку. Никакой обезьяничин.

— Работы же всем скоро привыкают, — говорит Елена Андреевна, — через неделю они уже все умеют делать сами. Трудно бывает только с новичками, кто приходит и сдвигает, и раздевает, и кримит на них. Дома в таком возрасте дети еще ни к чему не привыкли.

Вот она — сама коллектива!

Духолетние дети, сами того не замечая, прекрасно выполняют все правила внутреннего распорядка: во время кушают, ложатся спать, играют. И вместе с тем детям предоставлена полная свобода.

• Ваня лег на живот и заснул под атласовой рукой. Пальцы его скользят по паркете и хватают только пустоту. От напряжения. Ваня драгла левой ногой и переворачивался на бок.

Ходунки (дети в яслях делются на три категории: груднички, ползунки и ходунки) захлопывались ходотом.

Сколько малышей прошло через руки Елены Андреевны!

— Вот он! Вот он! — закричала несколько голов, и мальчик взмыльялся прямо на Ваню. Ваня встал и схватил своего мечтателя. Бросить было сочно! И круглого отверстия нахмурил мальчик плачом сквозь плач жалобой. Поднимать побоялся Шура.

Скворечник — очень интересная и полная жизни игрушка — сидела на ваньеющей яичницей. Скворечник — с отворотом нахмурила и сказала: «Ах, как же я вам укаживаю! Ну нужно подождите, когда я буду нахмурена, и бросить его в скворечник (разогнуться), а это очень способствует укреплению и росту связных позиционов. К тому же дети очень любят играть в скворечниках».

Другая игрушка — тащи-станок, тоже изобретение заведующей. Это — вращающаяся пластина на шестах не более полутора. На него дети наматывают пряжу и обвязывают трикотаж.

Очко же — производственная игрушка.

Геометрическая игрушка — Трапециада, трапеции, квадраты и прямогольники. Молодые! Надо сложить из них, чтобы правильно прописать фигуру. Чтобы не осталось ни одной щели. Довольно сложная задача. Даже взрослым не всегда удается сразу правильно расположить фигуру.

Но практика и опыт делают чудеса. Из трехугольников некая не желающая уместиться подлинка, составляется квадрат. Теперь все на месте. Катя торжествующе поднимает сопредседательническое личико.

Ей нельзя не похлопать в ладони. А Ника отстает. Справа трапеции — свободный косогуляник. Помогают ей — трапециада, откладывает вниз. Опять не подходит. Справа — квадрат. Правильно, — нет, решительно ничего не получается. Он чувствует, что на него смотрят, и начинает испачкаться.

Тогда инструктор помогает ребенку, но так, чтобы тот не заметил, что ему помогают.

В возрасте от 2 до 6 лет дети уже сознательно учатся в играх. Игрушки для детей должны быть подобраны педагогически, на основе научения склонностей каждого ребенка.

Ребенок должен растя в коллективе, с самого раннего возраста чувствовать себя членом коллектива, но и здесь ему должны быть предоставлены все возможности для проявления собственной индивидуальности.

• Елена Андреевна пришла на кухню, надо было спросить, хватило ли молока на кашу и видеть продукты на ужины. Молоко было достаточно, и никак ужо разела хлеб для обеда.

Нало было еще сходить в банк, получить деньги и купить помады для наложечек и не опоздать к шестидесяти заседанию педагогического кружка. Елена Андреевна уже совсем одевалась, когда в комнату звонила инна — молодая темноволосая девушка — и сказала, что Галочка потянула ничего не есть.

Галочка — новорожденная. Она, видно, еще не привыкла к яслям и чуждалась детей. — Галочка, почему же ты не хочешь кушать? — присела около нее Елена Андреевна.

— Молчание.

— Она у нас умеет по пальчикам считать, — похвасталась инна.

Галочка вытянула руку и началла отшибать по очереди пальчики.

Ну, — я сейчас буду кушать вместе, — сонечек блажко предпринял с кей Елена Андреевна и взяла ложку. — Ой, какой суп вкусный, вот еще ложечку и с хлебом, юх, как хороший.

Галочка сначала бездействовала, но потом интуиция Елены Андреевны воодушевила, как видно, и ее.

Но плотно съев супа губкама зельницу ульбка, и вторая ложечка не показалась ей такой уж неожиданной.

Немного истории.

Елена Андреевна Малаховская была демобилизована с фронта в 1920 году. Партийская школа, где ей организовали ясли. Заброшенный посевной особняк требовал большого ремонта, а средств не было. Через Моссовет и инспектор Елена Андреевна добилась того, что необходимые средства были отысканы. А другим препятствием были сами матери-материнки.

Не отдавали своих ребят. Видимое же дело, чтобы дети без матерей.

Виноваты в яслях появилась лишь несколько лет, промышленностью брошенных родителей.

Работники присматривались, как живут дети, как их кормят, как за звезды укаживают. И когда обедница, что дети находятся в лучших условиях, говорила, что дети в яслях лучше, чем в татарском уходе, начали прятать своих детей.

В 1923 году было 55 человек, сейчас уже 100.

Елена Андреевна — незаслуженный рост, с короткими, под пребенку, волосами. Вот уже в течение 12 лет работает она на этой работе.

Елена Андреевна сумела создать свои ясли показательными и одиничными из лучших в Москве. Сумела установить между дисциплиной среди сотрудников и любовью к своим игрушкам: многие из них переведены в сестричку и даже в инструкторы.

Елена Андреевну недавно премировали как лучшую удачу.

Сию же малыш прошел через ее руки! Большое дело делает Елена Андреевна.

Удивительно низкая мебель

ПОЧЕМУ У ТОВ. ИВИНА НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ ПЬЕСЫ

Письмо Марка Колосова к литератору Ивину, приславшему свою пьесу в «Смену», разбирает ошибки, характерные для большинства молодежных драматургических опыта.

Драматургия является важнейшим звеном в работе литературных организаций. Приватственный конкурс на лучшую пьесу мобилизует наше внимание на работу с драматическими кадрами.

Письмо Марка Колосова поможет молодым авторским кадрам избежать в своей работе тех ошибок, которыми изобилует разбираемая пьеса т. Ивина.

Товарищ Ивин! Твоя пьеса «Преступление комсомолца Набатова» не может быть напечатана в журнале «Смена»: невозможно также ее поставить в театре. Почему? Да потому, что с тобой случилось то же, что случалось с твоими героями, которые попали вовсю, не зная военного дела.

Ты поставил себе задачу написать пьесу, пропитанную простотой, которую комсомольцы скажут бы себе: «Чтобы победить врага, надо иметь военную подготовку».

Для достижения этой цели тебе недостает привлечения юношеского общества, достается изюминка и неизменность действующих лиц и монотонность их поступков. Твой же герой все на лицо лицо. Все они не говорят, а декламируют. Сначала декламирует командир: «Товарищи, будьте готовы и уверены для сегодняшней схватки с бандитом Семеновым. Сила врагов сильна! (О), но на это не нужно смотреть!» (Громко). Всю жизнь за Советский союз, товариши! Всю жизнь за Советский союз, товариши!»

В ответ декламируют красноармейцы: «Ура, ура, товариши!»

Затем выступает комсомолец Набатов: «Нагло, они сегодня опять послали перегибы правильному. Нет, мы не можем терпеть этих бандитов!»

Ему вторят комсомолец Угаров: «Конечно нет. Мы не можем отнестись (?) это просто так. (Громко) Итак, вперед за кровь! (1)

Уже после этих речей читатель или зритель скажет: не так говорят комсомольцы и командиры, в таком тоне говорят только выдуманные сочинители героев тех пахах авантюристических романов, которых прикалывали читателям до революции.

А в жизни говорят проще и убедительнее. Теперь посмотрим, как развивается действие.

Выясняется, что Набатов и его товарищи не имеют военной подготовки. Естественно, было бы в соответствии с темой, что Набатов сказал, что «нужно, чтобы кто-то скажал, ничего, что не обучены, этого удача есть, отвага есть, этим называем». Между тем ты заставляешь своего героя променять следующую типу выражения:

— Да, мы знали бы в этом. Судите нас по-комсомольски. Такие товарищи, недооценывающие вопросы подвигов, не должны быть в рядах ленинского комсомола. (Громко). Судите!

И совсем противостоящим отвечает на это Угаров:

— Судить сейчас не время. После вас осудят товарищ, которые по неизвестности азарт на подвиги. Никакие товарищи, которые будут убивать, будут считать такой трогом. (Неподвижно сидящий военный) Я, М. К.,

может быть в таком случае не надо ити? — растерянно воскликнул Набатов.

Но такой Угаров (полонистильный герой) непреклонен: «Нет, надо помочь красным, не поминте — никоим образом буде ли, если наши товарищи, идущие в бой, не вернутся живыми. Так поминте это, т. Набатов. Поминте! (Убегает).

Кстати, почему убегает, а не уходит?

«Набатов, оставил в своем ящичке полотенце громко: «Папа!» — и, сидя в сейфе, понял, какое предупредило сядет в перед молодежью, нащупывая в бой. Кто знает, почему? (Пауза, затем трогом). Вспомнил я, кто сократил ячейки? Я? (Думает, громко). Не будет же отвечать за меня? Чемберлен или Миламков? (2) Верно, верно. Ну так что же, этот воинственный думашки?.. (Смысла не имею). Выхватил. Выхватил... (В фразе) Я... я прорвал товарищей. Набатов — пре-

дателем. (Громко). Так судите его! (Рвет на себе волосы). Судите!»

Этим кончается первое действие.

Второе действие еще более перегружено этой приватностью, надуманной, ничего общего с жизнью не имеющей декламиацией. Действие происходит в штабе. Раненый Ивина приходит в сейф: «Иде ят... О...ой... Не могу... (Громко) О...ой... не люблю меня... не бейте, я не виновата... но виноват...» (Громко) Использует рукой по противоположной стороне сундука: «Сидит... он... Набатов... он... он... (В ужасе) Падает на руки Набатова, тот держит ее...».

Позволь, позволь, т. Ивин, из телефонного разговора Угарова известно, что Набатов пропал без вести. Цитирую: «Угаров (Подбегает к телефону): Да! да, что? Набатова нет? Убит? Просто как пропал без вести?» (Бросая трубку). Негодяй, предатель, что он сделала! Сотни молодых простолюдинов лежат на полях битвы по всему миру, благодаря тому, что он не проводил военной подготовки!»

Извиняется, что раненый Ивина, которого он, Угаров, спас от погибели, привел в штаб, находит на руки Набатова (?). У Ивина оказываются простираны для бистра: патронный и комсомольский, причем на патримонию почему-то вместо «коммунистическая партия большевиков» написано: «Ленинская партия большевиков». Всем известно, что партия большевиков — это партия Ленина, но ведь второй герой читал то, что написано на бистре, и это показывает твоё совершеннейшее преисполнение к деталям и подробностям.

После долгих угроз Угарова по адресу Набатова, на котором он обещал смыть с себя грязь (турникеты), та заламывалась одну из сцен действий, а вслед за действием одна страница, т. е. никакого действия нет, сцена падает занавес и начинается действие третье, которое происходит на самой границе СССР, и «помещается» генералам.

Вот как изображается генерал Гуменский: «Плохо, генерал. Мне еще покажем, эти коммунисты, они узнают кузину мати, как разрушить наш славный государственный мир». Этот же генерал, услышав выстрел, бежал на двор, жалуясь, что засорил жеудок, а второй генерал его успокаивает: «Бог ласт, все видите... выпадет, бог ласт...» (Вымстрил). Годы, годы, выходят красные, и начинается дебют четвертого.

«Красный уголок. За столом разбирают бумаги Угаров и комсомолец. В другом углу сцены на корвоти лежит убитый Ивина. Если мне не изменяет память, она была убита в начале второго действия, а так как т. т. Ивин, нигде не упоминается, что она была наблюдаема, то исполнительно, как сохранила труп ее до конца четвертого действия. И потом естественно ли, чтобы труп привезли в красный уголок, уложили на кровать (это в красном уголке кровать?) только для того, чтобы у этой кровати уснул новое лицо, только что возникло? Бог ласт, все видите... выпадет, бог ласт...»

Красный уголок. На бумаге, на которой лежит голова, что на ней Набатов виноват (имя на то, что виноват, очевидно, и Угаров). Затем это (оне) начинать метаться в поисках виновного, т. е. тщета одиако что виновник — все же тот злодайничий Набатов (тогда зачем были намеки?) Этого Набатова нонсенсомичный в четвертом действии сразу решает убить.

Угаров его отговаривает: «Товарищ Громов, я тебе предупреждаю, если ты еще хоть раз зайдешься на убийстве Набатова.

М. Колосов

и буду выносить вопрос о твоем поведении поста-
нить на бирю. Понял?»

Но бирю быстро убегает.

Угаров уходит отдать распоряжение комсомоль-
цам о разгроме Набатова, а командр, оставшись
один с группой Набатова, произносит длинную речь.
Примечу одну из фраз: «Как жаль Ниину Гро-
мову. Какой ужас! Прострелена грудь и... (Громко)
и два ленинских билета».

Затем сразу следует явление второго тела из чет-
вертого действия. Принесло вино и соколиные.

Здесь опять обманывают зрителя с помощью обу-
ченных четвертых. Его обучение заключает-
ся в «Сидиши, патом маши на место, стоп... Воль-
ны». (Все расходятся). Появляется брат Ниину. Ко-
мандир к нему: «Становись, товарищ Громов, в строй. Громов (Задумчиво): «Да, этого требует ле-
нинский коммандир. (Встает в широкую). Тотчас же
появляется обиженный бородой Набатов. Громов с криком: «Так помни, я отомщу за Ниину! (Стре-
лит в него)».

Угаров называет Громова нетрадиционно (истинно, что слово повторяется в плесе много раз) речью, голову
у себя волосы (речью речи Набатова говорит Угаров). Затем он приносит соколиный виноград
(все). В этом обрамлении таким же неестественным
маком япон говорит, что ленинский коммандир
должен стать под виноградом и излучить военное дело.
Этого требует IX Съезд коммандира и то, что «по
неисполнности сегодня легендары два трупа, а завтра, мож-
ет быть, капитанства превратят нас в порохок
в трупах».

Тогда Ивин, прекратив писать пьесы, а начин-
чивший грамматике, займется чтением хороших пис-
ций. Примечу, как там, разогнувшись, лежит, все по-
свежевшому, каким образом обозначил автор, чтобы
обратить внимание на это внимание.

Вспоминаю приглашающийся к жизни, к своим товарищам, примечай характер и особенности каждого, записываю в свою записную книжку жизненные
детали, краски, слова, подробности и, когда запасешься материалом и станешь писать пьесы,
могешь отдаваться «вдохновению». Больше контро-
лируй его, не уводит ли оно тебя далеко от жиз-
ненных правил.

В жизни ты не увидишь, чтобы молодые люди
сидели на голове волосы (если они не под «змукой»),
как бы им не были расстроены... — значит и в плесе
этого не должно быть.

Ты увидишь, что злословный враг не «блеснет на
лицо», а белое лицо и скривит предстает нам, — зна-
чи и в плесе это не утрудит.

Ты научишься больше изображать и меньше ре-
разлагаться.

В этой работе над собой тебе смогут помочь анти-
кружок, если он у вас есть, режиссер самодеятель-
ного коллектива, если он у вас существует, и ре-
дакция журнала «Смена».

С дружеским приветом

Марк Колосов

ДВА ПРАЗДНИКА

Книга молодого автора А. Басакова «Черного звезды» — попытка художественно изобразить прошлое одного из крупнейших московских заводов — «Динамо».

Повесть Басакова — часть огромной работы, которой заняты сейчас сотни рабочих авторов. Дата научно и художественно историю заводов — потьма этой работы, сформулированная в статьях Максима Горького и в постановлении Центрального комитета партии.

ЦК ВЛКСМ принял решение о включении комсомола в актионную работу над историей заводов и фабрик.

Печатаемые отрывки одобрены заводской редакционной комиссией по истории завода «Динамо».

I. МАСТЕРОВЩИНА ГУЛЯЕТ

Бом-бом!

С утра понеслось над Симоновкой, Кожуховом, Ногинским.

Вокруг спасение.

Это звук пушек. Ворота крепко заперты.

В мастерской потянулись струи. В первом пальце. Черный плащик заложил на шее булавкой. Садом за него кое-что из молодых женщин. Особенно торопится вдомы, у которых в монастыре хахали из мозаик...

Рабочие не спешили в церковь:

— Аднон! Как-нибудь скажу.

Сосед заходил к соседу: Собирались группой приятелей по заводу — шли на луг отдохнуть. Бро- сали же детей. Не слушали плача, просясь хоть разве подержать.

Остаться от друзей грех!

И ходили. Но путя заворачивали в казенку. Набирали вина. В лавке — огурцов, кафса, иногда (после полуночи) колбасы.

На лугу, залез склону горы, на траве сидели рабочие. В кругу — бутылки, закуски. Стакан ходит от одного к другому.

Разговор на всех разный. Кто про завод, кто про житие свое, про царя, про партию. Некоторые — и такси становились все больше — тайком уходили в Трофимову рощу... Там собирались большевистский кружок.

Красавицами ревались с азартом и «очки». Стояли на коленях, начались.

Шашлык на карте.

В других местах трякали балдашки. Рвали аккорды гармошек, выговаривая бармы. Мастеровщики скакивали с места, то пляши, отдирали русского.

— Ух, ух... Нянчай, наподдавай!

Падали друг на друга и опять скакивали. Устали, валансы, как поддевают. Минуту лежали вверху задом. Переворачивались, затягивали песню;

«Эх, измученный, истерзанный
Наш брат мастеровой...»

Молебен по случаю обретения войны на заводе «Динамо»

...Молиться хозяева любили. Молились с целью затешить умы рабочих, но мы, передовая часть рабочих, смотрели иначе. Так, помимо, раз в мастерской склады молебен, а мы за окном ответили по-своему: «Отремчимся от старого мира».

Из воспоминаний кадровика-динамовца ПРЯНИЧНИКОВА

Потом в симоновской кабаке пили, обнимались, пели песни. Столгово летело по всей Симоновке:

«Не влюбляйся в черный глаз.

Черный глаз опасный...»

Стадо симоновцы слушали и качали головой:

— Эх, времечко. Не так мы жили... Тишина, скопок, только и знал церковь, огород и избу...

К вечеру становилось тише. Молодежь партизан, уходила с Спасской заставы: там была танцулька, дешевка.

Стали все тише. Издра кипучий тишину пыльный крик или женский вой, и снова тишина.

Мастеровщики успокаивались до утра.

Приходил на завод утром с большой головой, с пыльными отеками у глаз: память о празднике.

2. КРОВЬ НА ЦВЕТАХ

Как всегда, рабочие гоняли на завод и прямо в свои mestах. Вдруг каждый заторопился к соседу. В руках листки бумаги — с крупными буквами на них.

... Товарищи! Сплошными рядами въйдем на свой пролетарский праздник!

Новые рабочие приходили и тоже находили у себя листочки. Они белели в шкафах, в ящиках верстаков.

Появление листков не удивляло Баркова, Офима, Бумчева, Ванюшу Балашова и многих других.

В большевистском кружке единодушно решено провести праздник 1 мая во что бы то ни стало.

Мастерскою заработали обычным порядком... Уходят молоты, взывает гудко под дрезинами.

К Ванюшке Балашову подходит Барзан. Чего-то шепчет ему ухо. Ванюшка кивает головой и бросается вперед.

Чтобы не попасться на глаза сторону, он прошел в свою лавку в заборе и бегом пустился вдоль Симоновки. Пасынковая носил и поддергивая штаны, голова собак, кошек и вертесь около окошкоенного, городовиков, надзирателя Храмко, ходил по его сле-

Если в цехе старого „Динамо“

...Наши хозяева тоже устраивали „трудягопроботу“. Единственным подарком была еда с подачкой вина и по куску булки, а после — пятна 10-часовой рабочий день, штрафы и изымательство.

Из воспоминаний кадровика-динамовца А. Л. ДОДОНОВА

дам в Азии, к Кожухову, к роще... Около монастыря заметил отряд казаков: они стояли на ограждении, офицер беседовал с почтальоном Андреевым.

Казаки тронулись.

Винницу бегом пустился на завод. В мастерской сейчас же obstупил ею, и посыпалась осторожные восклицания:

— Привезем?

— Куда они двинулись-то?.. В Тюфелеву?

Винница зашепталась. В груди стучало. Слова сле-дилисьмыми. Но рабочие сразу поняли: отряд ка-заков у Кожухова, оттуда проходит в Тюфелеву.

Вдруг в металлический гул ворвался пронзительный человеческий свист.

Потом вспыхнула яркая коробка, залупившаяся, шевельнула. Свист застонал его взоротом и остановился. Седая голова поднялась. Вдруг сяди, чуть ли не под ухом, опять ворвался свист.

Потом опять, скопу. Мастер обглухнулся. В соса-нем прошёл бекка малярника. В рот засунуты че-тыре пальца, щеки раздуть.

Свист уже прошёл по всему заводу.

Разум оборвался металлический гул.

Редко замерял, врезавшийся в металл. Камень упал молотом на николовано. Из всех корпусов, склонив головы, были потоки рабочих... Говорят, склонялись... Дверь переполнилась, направили на порога.

На улице боялсяся околочиной. Он забыл шапку на сторожа: не смей, не отпортий!.. Донесся...

Директор уже называвший на телефону:

— Да!.. Очредная маска! Меры принять—дело

автоматом!

Распахнулись ворота... Масса хамнула на улицу. В середине толпы выныкал небольшой красный клочок, но такой задорный, юющий, что все смотрили на него, убамбасы и с гордостью шли вперед.

У ворот завода «Барин» остановились. Из толпы поднимал человека, небольшого, седенького, в очках;

— Товарищ!

У каждого вздорнуло в груди. Седенкин зовет в борьбу с теми, кто бьёт людей рабочими.

В коридорах «Барина» текла нечестивая удача свист: димоницы привозят браслеты работы.

Новый поток напирает на ворота, прохочет падною «урод».

Все идут в Тюфелеву.

Околочинный пришел к окну проходной... Когда все прошли, он выскочил и помчался в Симоновку.

Роща шумела... Скрипали от ветра деревья.

...Никогда лесную тишину не будил такая гром-кая песня. Всю откос запестрели головами. Так же, как цветы—бледне, черные, желтеют... Голоса детей, стуком, молчанием.

Снова седенкин говорил о рабочих всети мира, о единстве едином пролетарском празднике...

Вокруг открыта, выплюнул на Симоновку были расставлены патрули.

Рабочий Принчинников решил пройти в Колхозово—увидеть, где отряд. Решительно не пустился из тиши и в случае чего предупредить своих. Прополка по тропинке. Кругом вспыхнула черная поле. Кое-где уже длинные гряды. Впереди себя, далеко удали, видел человека... Даже картина. Принчиников погадал, припнувшись, бросилась бежать. Расстолнился между всеми медленно уменьшалась... Заметила, что у переднего из того что бежало с боку... Пробежала еще немножко, приподнялась и остановилась.

— Чорт...—макнула он рукой и удалилась во все широкоскую лицо... —Дичь белыми...

Свернула на правом и бросилась вправо, по грядкам Сапоги не крались, будто пустые. В стороны устремил комья земли. Бежать было трудно. Но Принчиников бежал, да еще старался бежать все сильнее. Отгадываясь назад на Кожухово. Видел, как из деревни выехала отряд.

У окончания отряда разделась: часть поскакала в Симоновку, другую низом, просмолочной дорогой в рощу...

Но Принчиников—уже на опушке... Пустыни прыжком отослал. Сучья даранами лицо, залепивши за пижак, рубашку. Падал в землю, руки в пропах...

— Спасайся на ногах!.. Казаки...—только и смог проговорить ноги, выбежавшие из откос.

Все перекинули и бросились вниз

Бежали аутом к реке, невороты—в чащу. По тропинке уже бежали патрули с тем же называнием—спасаться. Сразу все расслабились, кто по ауту, кто по падам. Задраги между гряд, и овах, в канавах.

Проклятые казаки из Симоновки, от Кожухова и тоже вниз под откос. С гиком бросились догонять бегущих. Вились в воздухе настаки, скривили шашки. Помаскались пач, стены, кричали ребята, женщины...

Из-под пласти брызгала кровь. Брызгала на землю...

М. ПАПАВА

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ РУДА

... Я хочу обратить внимание на то, как же набрать специальность? Как набрать себе специальность такую, чтобы на работе по данной специальности быть наиболее полезным?

... Еще есть рабочий, которым одно время кажется, что им надо выбрать специальность паромен, а через некоторое время—педагог, машинстроителя, и так плаваешь в уверенности, в сомнениях. Не знаешь, к чему ты годен и какая специальность тебе подходит?

Из письма лабораторного комсомольца А. Рейзмана (Тирасполь, Молдавская АССР) в редакцию «Смены»

У нас нет безработицы, перед на-шей молодежью нет вопроса о работе, она стоит себе вопрос о выборе про-фессии.

(М. Горский)

1. КЕМ БЫТЬ?

В этом возрасте крепнут кости, набу-дают мышцы, твердеет звено, напра-вляются стремления. На специальном ученик языке он называется пубертатным. А проще—подрост-ковый возраст.

16 лет—замечательная пора... Ребенок превра-щается в подростка, подросток—в юношу...

Следят школы, рабочих мечтаний, и юноша встает перед ним, тревож и романтический в одно и то же время. Он молот, но страна еще моложе его. Ей по существу всего 15 лет. И в этой стране открывается перед ним дорога в жизнь. Нужно найти в ней свою местечко. Нужно выбрать профессию.

Перед Гамлетом, юным принцем датским, когда-то стоял вопрос—быть или не быть?

Перед нашим молодым человеком возвышается другой вопрос—кем быть? А хочется сразу быть и токарем по металлу, и агрономом, и лётчиком, и техником.

2. КАБИНЕТ ИСПЫТАНИЙ

В комнате черные шторы. Аппараты. Белые циферблата счетчиков, про-вода...

В комнате тишина... И два человека. Черные кипюны всторонясь длиными рядом на продоловатом ящике. Стоял же квадратный отверстий за него поверхности.

Человек в белом халате включает аппарат... Равномерное гудение вытекает из комнаты тишины. В общем из квадратной оболочки ящика появляет-ся чёрное тире. Оно проходит от одного края отверстия до другого и исчезает над поверхностью ящика.

Юноши не складно длиниче руки и ноги. Он еще не вымылся в росте. Ему 16 лет, и будущее в его власти.

Тверда ли его рука?

результат в пластине. Заостренный конец его должен итти по дну вырезанного желобка.

Движение неточно... Карапаш прикасается к стеклам желобка... Тогда раздается предупреждающее треск аппарата, и стекло счетчика начинает свое пускесное движение, вращаясь, вибрируя, отмечая неточность движения, нетвердость руки.

Мы, психотехническим кабинетом отделения подростка подростка института Обула в Москве, «Головок в белом халате—психотехники, Фламинги юноши—Петров. Он—сын рабочего. Хочет быть токарем по металлу...

На черном диске—узкая белая щель. В ней вспыхивает двузначное число и исчезает, сменяясь новым... Через некоторое время аппарат вибрирует... Петров должен назвать цифры, задержавшиеся в его сознании: это определяет общий его эритральный памятник.

Толстая проволока изогнута замысловатыми изгибами. На её концы надевают помаду. Петров подает перед колцо помаду колцо. Помада проволоки в другой, прорыл им все эти изгибы. Хромистые в руках психотехники отмечают время. А время указывает на локоть динамиса Петрова.

Перед Петровым встает небольшая тетрадь с рядом упражнений, вываливающих его технические способности. На специальном языке они называются:

— Специальность изучается один из них и т. д. Затем идут испытания общего развития и одаренности. Уже другие тесты перед ним. РД понятны: корова, ко-за, лев, кошка. Нужно подчеркнуть то, что здес-степнет правильнно. Линии разреза Петров обозначает на предметах.

В кипюне десницы перепутанных, называемых альбами. Нечто наядо из них замуровано. Нужно газами проследить одну из них и поставить тот же номер у ее окончания. Ряд бруксов, сложенных друг на друге—нужно сказать, со сколькими со-прикасается один из них и т. д. Затем идут испытания общего развития и одаренности. Чрезвычайно потому что Петров постарался на слуху, он это поднектро-вратил домашних животных.

Пинелье. Оно? Что ассоциируется с окном у Петрова? Надо бы написать цвет, но об этом напоминает сын Петров забывает и пишет: «Чрезвычайно многое в его практике, он это поднектро-вратил».

На одной стороне стоит название. На другой—короткие рассказы. Время идет. Петров торопится к немному перничку. Очевидно поэтому для рассказа о пинере, вытаскивающем из воды девоч-

Достаточно ли крепки у нее легкие? Правильно ли она дышит?

ку, он ставит название под номером 3. А под этим номером значится:

Услажденный дурманским вриозом.

И отчего же наше наивное в рассказе о мелахе, который обнадежил намеренную муку на лице человека. Когда, пришла ряда испытаний, Петров уходит, команда вновь заполняет тишину... Человек в белом халате садится за стол и меланхолично, убористо, почтительно, как писатель, пишет белую страницу бумаги... Он пишет об общем развитии и техническом интеллекте, об одаренности и быстроте реакции, о памяти и внимании подростка Петрова.

3. ГОРОСКОП

Речь шла о Нине Депутатовой. Я не знал, что разум не видел в лицо. Может быть, болюка, смущения и подражания. Может быть, оначересе турецкого кофе и неторопливая в движении. Об этом ничего не говорилось в ее деле. Я узил только, что ей 17 лет, что она ученица слесаря ФЭУ при меткооптическом, член КСМ и староста группы.

Ангстная шуршащая странница, я видел ближе ее сердца, вычерченные изогнутые четвери линии и простирающиеся линии обрамления открытия рисунка. Я узил, что это изображение проявлено шириной в одной капле ее крови и многое другое, что называлось—результаты клинического исследования подростка. Затем я узил, что команда, где живет Депутатова, — сухая и светлая, что живет она с матерью и сестрами, что у них хорошая, дружная семья. И это называлось — антракт социального обследования. О ее способностях и одаренности, о памяти и внимании и тоже узнала, антракт дела, и это называлось — антракт интеллекта.

И только в самом конце я узил маленькую бумагуточку—отношение врача ФЭУ: «Прощу дать заключение о пригодности Депутатовой к профессии слесаря».

В команда было светло и торжественно от белых хрустящих халатов врачей. Здесь сидели терапевты, сердечники, легочники, гастроэнтерологи, хирурги, невропатологи, психиатры и т. д. Речь шла о Нине Депутатовой. Мастер-слесарь был недоволен своей ученицей. Она прекрасно усваивала теорию и неизменно отставала в практических работах.

И вот терапевты, сердечники, легочники, гастроэнтерологи и т. д. должны были найти причину этих неподвижностей, мешающих учиться Нине Депутатовой.—ученице слесаря члену КСМ и старосте группы.

И все эти назывались антрактом, звездой комплексной комиссии, звездой рабочего подростка института им. Обуха в Москве.

На поиске для звезды судьбы Нине Депутатовой—будущей... Перенес начались на чистейшем анатомическом лезве... Специальные термометры вырывались, изливались из уст членов комиссии и варварски в паху, неизвестными соединениями.

Затерпеть белыми халатами, стесняться своего обнаженного, московского состояния, к отрывкам из анатомического пренативства, попыту продолжалась эта исполнительная для меня часть заседания. Я вспомнила, что когда-то звезды считались лучшими показателями будущего. В высоких башнях мудальян и важные звездочки наблюдали

мерцание звезд, движение планет и на основе этих «звездах» предсказывали судьбу человека. И это называлось составлять гороскоп.

«Гороскоп» Нине Депутатовой значилось: профессия слесарь подростку противопоказана. Недостатки зрения и плохая моторика (двигательные реации), соединенные с некоторой физической слабостью организма, мешают ей быть слесарем. Общее развитие подростка: высокая одаренность и выраженная любовь к детям позволяет рекомендовать ее профессию педагога.

Фактическая справка: сейчас Депутатова учится в педтехникуме и, говорят, очень довольна своей судьбой.

4. ЖЕЛАНИЯ ВАЛИ САВИНОЙ

„Школьной brigadой“ отделения рабочего подростка проделана интересная работа по выявление профессиональной направленности ребят“ (цитата).

Я передала винтажные сорок анкет с различными перечисленными возможными профессиями и увидела в них бесполезные вещи. Я читала например, что профессия отца Андрии Орловой—учительница, а ее общественная работа—помощница. Я видела, как перемещались «мужские» и «женские» профессии, и у Валы Кашина мати оказывалась мотористом, а отец—протирщиком.

Я пересмотрела целый ворох сочинений ребят на тему «Кем быть». Здесь были самые склоняющиеся поклонения советским парашютистам. На один стол упервались и гордые восклицательные знаки, на других смущенные вопросы. Но ясно было одно—

Чрезмерное давление крови не позволяет заниматься некоторыми профессиями

так могли писать только подростки Советской страны.

В коробах разбрасывающихся строчек букв возникла колонка нового человека. Или хотела с разумом превратиться в жизнь, творить, спроект, масштаб, организовывать—жить! жить! Нинко и них не миссила свое будущее, свою будущую как «своя», «личную», но связанные тысячами нитей с жизнью страны—ее будущим.

И это замечательное ощущение нашей страны, ее способности, коллективна, — это замечательное чувство роста пришло ко мне во время чтения сочинений ребят.

Вот отрывки из них:

Нина Плякова, 14 лет.

«Я хочу получить высшее образование. Работать жалко в области физики, потому, что там можно делать открытия. Я хочу сама творить».

Ткачева, 15 лет.

«Очень хочу учиться дальше и буду учиться, а профессии пока не выбирала».

Юлия, 15 лет.

«Я хочу быть механиком на электротехнике. Страна скоро будет ездить на электротехнике и транспорте тоже, и будут нужны механики на электротехнике».

Егоренко, 15 лет.

«Я буду учиться на архитектора. Я буду создавать новые проекты, дома отдыха, жилищное строительство... Все это будет мене радовать, что помогаю технике и культуры поднять нашу страну».

Владислав, 15 лет.

«Я хочу быть легочником... Тогда мама очина сомневается в своих силах. Но то что бы та ни стала я хочу поднайти эту профессию и принести большую пользу нашему Советскому Союзу в деле обороны страны».

Петрова, 16 лет.

«Хочу я быть, желаю и буду обязательно агрономом или биотехником. Я хочу птицеводить, читать лекции крестьянам, разъяснять, как нужно правильно поступать с тем или иным фактором».

«Мне хочется работать в деревне при совхозе или колхозе, быть инструктором или организатором. Поехать куда-нибудь в отдаленную часть Союза. И представляю я себя в будущем здоровой, веселой и

Контрольный лист показывает технические способности подростка
хорощей организаторов мальчиков и больших
тружеден Советского союза».

5. ЧАСТЬ ЧИСТО ДЕЛОВАЯ

Страна растет. Крепнет ее хозяйственная мощь. Входит в строй сотни новых фабрик и заводов. Нужны люди, нужны квалифицированные рабочие. Мы должны освоить науку техники.

Мы должны быть расчетливы и бережливы! Страна получит именно такого хозяина, какой ему нужен. Человек должен быть на своем месте, где его склон и способности найдут себе лучшее применение, где его труд будет наиболее произведен. Выбор профессии не только «личнендо подростка»—это дело всей страны. Надевав в Пролетарском районе Москвы была произведена меморандумная конференция рабочего подростка будущего. Организаторами этого дела были школы рабочего подростка и Поморская школа рабочего подростка и Поморский райком комсомола. 1.100 ребят—участников 7-х групп—собрались, чтобы обсудить свои будущие профориентации и направления подростка в отдельные рабочего подростка институты им. Обуха. Сюда же направлялись подростки врачи ФЭУ для выяснения причин неиспользованности, отставания, частой заболеваемости и т. д.

Ни одна страна мира не имеет такой работы с профориентацией. В СССР это делается только в наших условиях.

Подросток поступает в камбеку, он находится здесь от 10 до 20—30 дней. Славные, просторные палаты, где спиральная лестница, кабинеты, десятки врачей, тщательное психотехническое обследование... Специальная сестра обладает блеском и совершила полное исцеление подростка. И также здесь это делает заключение о нем. Подросток возвратился в свою семью, в свою школу. Помимо санитарии еще накрепко тяжки организмы, и в здравии подростка, в его физиологическом состоянии возможны различные отклонения, связанные с возрастом.

ОРП выпустил сборник по охране здоровья подростка, где суммированы эти данные, необходимы профориентации для распределения подростков на производство. Но производство в СССР, в отличие от капитализма, не имеет промышленности: слесарь—инструментальщик, токарь—формовщик, маляр—разработчик профессиограммы, дающие точные данные для распределения подростков по этим профессиям. В них учтены условия труда в том или ином цехе—прекрасность производств, специфика рабочих.

Отделение рабочего подростка сделает очень большую и нужную работу, и она имеет все права на внимание и помощь в этой своей работе со стороны коммунистических организаций, профсоюзов, комитетов по делам молодежи, комитетов по делам подростков, в формирование ее личности. Сдело субъектом, это понимание, это позиция, наложен на нашего обихода. Мы сами творим судьбу человека, и поэтому мы несем огромную ответственность перед нашим подростком за будущее, где он—первый пайщик.

Мы должны быть поэтому об重要因素 внимательны к нашему подростку. К его ворожью, выбору профессии, быть, семье, производственной обстановке, его интересам, всему, что связано с его будущим. Помимо этого, мы должны помочь ему в формировании ее личности. Сдело субъектом, это понимание, это позиция, наложен на нашего обихода. Мы сами творим судьбу человека, и поэтому мы несем огромную ответственность перед нашим подростком за будущее, где он—первый пайщик.

Фото Б. Иваницкого

О БАРОРГАХ И О ПОХОДЕ

Количество кружков—140.

Верно тяжко преступление совершил человек, который гремел плакат:

«Позор ссыпчику и десертиру! Клеймим позором...»

Парень забыл заставить койку. Его обиже отообщественного осуждения.

Парень сканко приуны. Он вставал теперь не раньше ранние других. Он выбывал подушку. Целую неделю горяч перед его глазами сердитые бузы плаката. Он теперь знал, что с одеваем шутки плохи.

Этот плакат виноват человек, названный гремучим именем барорг — барачного организатора.

В соседнем блоке комсомольским комиссарам оказался человек помяче. Он нача с борьбы за чистоту родного языка:

«Предлагается матери не выражаться!»

Барорг долго разглядывал этот злободневный лозунг. «Попадай, оглушивши им людей, — подумал барорг, — культуру надо проводить постепенно». Он сделала маленькую вставку. Теперь получилось гайдюк:

«Предлагается матери не выражаться.. при женщинах».

Немного времени назад валились про-
межилюди из взлохмаченных
кожи. Пряный ветер пролетал над сосновыми
нарами. Ночь становилась сирене, хрисла сирена
рытал вдалеке, и люди уходили на работу, не
заглянув на койки. И никто не обрушивал на них
за что простные слова.

Тогда поднимал усталую руку секретарь пар-
тийного комитета:

— Осталась считанные дни до пуска Керам-
комбината. Установите боевой штурмовой порядок
на стройке. Организуйте штурмовые бригады.

Бобриковский поэт писал тогда незабываемое
стихи:

Сверху скатился стук топора.

Это упало на асфальт.

Луна, как сплинт уставший прораб.

Вышла смотреть на работу бригады.

Внегомом часу сяди от Мозыри у
мощных сапогах дамского угла аэр-
одрома прославленная река Дона. Еще подпоясться на
тущающую прыжу бобриковским газельтера, можно
умозище ненадолече свергающие забытья реи.
Шат и Любовка, маданская роса, синицы всчи-
тывают в мире земной плотину, как пядь забы-
ше — белые искры Дона. Дуют над этими местами
тижкие холодные ветры. И по последнем штурме
записала в рапорты комсомольская бригада: «Ана-
доль. В томате спотыкалась лопасти. Ветер
пробрался сквозь разную спецодежду. Но для Леш-

Рабочие Бобриковского электрохимкомбината будут жить в отличных, усовершенствованных домах. Мощные стены бетонных корпусов уже поднимают над равнинами и холмами блестящие стекла окон. Но в многочисленных шатровых и каркасных бараках живут еще тысячи молодых рабочих. Пока идет строительство, барак остается главным рабочим жилищем в Бобриках.

Бобриковский комсомол провел боевой комсомольский поход в бараки. Очерт А. Гратова рассказывает об этом походе и о комсомольских бараках — организаторах большевистского быта.

Продвижение штурмовых работ. Сияющие краси отражают солнечные лучи. Коренистые койки выстроились военными рядами. Плавно открываются люкко пригнанные двери. Оцинкованные бараки хра-

шь Кабанова, Петрова, Всеволодова, Костенева, Кости Болотова, девок Породы и десятков других не удивляет ни дождь, ни ветер».

За походом штурмом двинулись тяжкие и кропотливые месницы комсомольского похода в бараки.

И тогда яростные пла-
каты появились в рабочем
поселке:

«Включай в договор по
согреванию:
Каждую декаду мытье
баков в бане.
—Знай, товарищи
частично стрейки
зависят от чистоты
твоей койки.
С грязными ногами
искори ты стрейки,
С грязными ногами
должны на койку.

Эта запущенная затухлая каварма...

быть 394.
88.
200.
147.
145.
140.
1705
Бараных стигнется 114.

Лучший ударник
Образцовых бараков
Красных уголков
Лучший барорг
Людей
Количества кружков
Людей в кружках
Бараных стигнется

наг прохладную воду.

Молоденько соревнуется на лучшую койку. Кудрявые подпрыгивают разбросаны на прозрачном льду.

Не ложиться на койку в верхней одежде. Весь мусор бросать в урны. Грязное белье немедленно сдавать в прачечную. Ежедневно ходить в бани.

Обуть сушить только в сушаке...

Е. АБРОСИМОВ

“ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ”

Петка говорит: «По маленькой проглатил».

Я отчекаю: «Почему и нет бы?»

Выспиш, как надо. В клуб заходит.

Уборщицы бегают злющие, как ведьмы,

Более солидно ходят актилисты,

В углах очумелые сидят шахматисты,

Слов не ropesя, в пахахи играют,

«Шах», «Мат» — и точка, как попутан.

Сели мы на лавочку, разговор начали:

«Тот, под, не спирь не начальник..

Об'ясниш плох — вовсе не изучено».

Посидел малошь. Стало скучно.

Петка вздохнула: «Не могу теленком жить..

Скучи такой не вынесу,

Надо кому-нибудь глаз разбить,

Контрольный лист на выбеленной стене разоблачает:

«Кравцов не подал пол». Штимер ушел с демаршем».

Окна пропит туман. Раскрасневшаяся женщина сходит с трибуны. Грохот взрывов и выстрелов прозвучал за здеш.

Иностранец в фетровой шляпе и брезентовой куртке с круглым обозреваемым воротником сидит в одном из первых рядов. Он очень обеспокоен. Он оглядывается по сторонам. Он ищет переводчика, но тот все еще идет.

— Кто эта женщина? О чем так яростно она говорила? Почему ее приветствуют? Она должна быть занимает руководящий пост?

Переводчик через несколько минут узнает все подробности. Человек в фетровой шляпе потрясен: чудовищные исполнительные происшествия! Эта женщина — уборщица барака Тунцица. Она говорила об уборке барака. Ее приветствовали за хоромуя уборку. Уборщица! Это чудовищно!

Но удивлялся только он один. Остальным удивлялось было нечего. Уборщицы, комендантши, истопники пришли на конференцию младшего обслуживающего персонала:

Первым говорил комсомольский секретарь. В на-
пражненном тоне произнес он новые слова. Чист-
кой и теплый барак — дело чести и славы ком-
сомола.

может быть превращена в культурное рабочее жилище

После него с громкими и торопливыми словами выступил уборщица-уборщица Тунцица:

— У нас бараки поблескинут внутри и снаружи. Лампочки сеть, свету достаточно. Поты моем два раза в пятницу. В женской четвертике имеются ванны, занавески. Койки у нас теперь железные, топчанов уже нет. На кроватях — простыни.

Комсомольские барорты, уборщицы, испо-
лнительные комендантши. Партийный комитет цинка барака их рапорт. Именем рапорта бывшего фронта вспыхнула спортивная зала.

Немного дней назад холод и трясъ захлестнул красным углом 42-го барака. Собраны проводились у рабочих на койках. Острый ветер синстал в не-
обмазанных рамках. Растоптанная глина окраин-
ных сосновые доски пола.

Барак Докторов увлек молодежь новой работой.

Уборщицы и испо-
лнительные образовались из незваной
помощи. Хозяйки-уборщицы напором комсомола
избрали на постомоечную чайку, что соединилась
пылью за три месяца. Барак стала изумрудной.

В бараке № 35 Аммачинского завода не было умы-
вальнико. Приходилось часами отсыпывать воду для
умывания и для питья. Пьяника и картежная игра
привыкли по вечерам в скучное жильце молодых рабочих. Теперь бывшие пьяницы и картежники по
вечерам читают книги, играют в шахматы, зани-
маются в кружках при красном уголке. Здесь ра-
ботает барабан Хромов.

Молодой ударник Бутузов написал в стенной га-
зете письмо:

«Кляймом себя поговорю за то, что до сих пор за-
нималась картежной игрой. Считаю это дело недо-
стойным для рабочего. Включаясь в поход во об-
разованный барак, вызываю на соединение на
лучшую конку гг. Ходикова и Бугрикова. Подпи-
сано по адресу «Подмосковный тигр».

В 12-ом бараке, где барабан комсомолка Сави-
чева, команда труда вышла из порочных посто-
янных квартир. На окнах бледные занавески. Цвет-
ные альбомы смягчают реальный электрический свет.
У большинства ребят и девчак — чистые прости-
ни и наволочки.

Их становится все больше и в биробиджанском строительстве, этих орга-
низаторов и ударников рабочего быта.

• Там, где были
холод, мороз
и ржавые замки в 1-м
бараке Корявинского ком-
бината, в тепле и све-
тица излучают рабочие прес-
сов и гофманских печей
премудрости техники. Умы-
тые и отдохнувшие, выходят
ударники на работу.

«Раньше жили грязно —
рассказывает прессострои-
ца Орешиня, — пришед-
ши в барак, не хочется сидеть бродячим построй-
кам и позади нее, не из-
вестно, какая судьба. Правдами
обратно, не хочется ложиться на грязную кой-
ку, холодно. Мы как сле-
дует не отыханы и усталыми уходили на работу.

Сейчас положение изменилось: чисто и тепло.
Я лучше отдохну, у меня увеличился производи-
тельность труда: раньше я на своем прегре да-
вал не более 10 тонн, а теперь —
11—12 тонн».

Бараки, Стуклов, Шадрин — руководители комсомольского похода. Они восторженно рассказы-
вают о делах в бараках. Десятки чистых, теплых
и культурных комнат показываются крупными пла-
ниш. Известь и кружева сняты с покоя. Полирони-
евые вензели спрятаны блеском с гравировкой гра-
фиков. Золотые бывши переплетов смеются за
стеклом книжных шкафов.

Лучшая уборщица и удивница Сотникова

зывает о делах в бараках. Десятки чистых, теплых
и культурных комнат показываются крупными пла-
ниш. Известь и кружева сняты с покоя. Полирони-
евые вензели спрятаны блеском с гравировкой гра-
фиков. Золотые бывши переплетов смеются за
стеклом книжных шкафов.

• Там, где были
холод, мороз
и ржавые замки в 1-м
бараке Корявинского ком-
бината, в тепле и све-
тица излучают рабочие прес-
сов и гофманских печей
премудрости техники. Умы-
тые и отдохнувшие, выходят
ударники на работу.

• Там, где были
холод, мороз
и ржавые замки в 1-м
бараке Корявинского ком-
бината, в тепле и све-
тица излучают рабочие прес-
сов и гофманских печей
премудрости техники. Умы-
тые и отдохнувшие, выходят
ударники на работу.

• Там, где были
холод, мороз
и ржавые замки в 1-м
бараке Корявинского ком-
бината, в тепле и све-
тица излучают рабочие прес-
сов и гофманских печей
премудрости техники. Умы-
тые и отдохнувшие, выходят
ударники на работу.

Помогите побороть безобразия в ба-
раках № 20, монгольский поселок. 5 марта после со-
брания в красном уголке по коридору шел молодой рапор-
тав Рычинин, пояснил. Весь же стояли комсо-
мольцы Стуклов и много жильцов. Они спросили:
когда начнется это безобразие? Рычинин обвязал
коня за это скот и поднял и начал трогать.

Скрывая лучшее еще сильнее освещает тяжкие
остатки былого. Вот идут на работу подростки,
искусанные клопами. Удушливые испарения под-
нимаются над влажным тряпцем.

Сотни молодых рабочих не выполняют норм вы-
работки.

Словно утомленный человек, недвижно стоит на-
сос, остановленный вредной рукою.

Право на гордость уничтожено есть. Права на успо-
коинность нет и быть не может. Впереди — гигант-
ская работа, напряженная и увлекательная.

Рис. Л. Сойфертина

П О Д Х О Д *

Илья стекла из окон выплеснутое.
Тут Соня поддергнулась: «Петя, алло,

После этого, а теперь декорации ставить надо.
Печку — влезе,

дверь — направо,

Окно посередине чтобы было,

Копии и портреты выдаст Слава,

Костюмы выдаст артистам мясо.

Право, Петя, мешки болтайте,

Что воловатыся попустому!

Конечно работе — танцевать давайте,

А потом проводите меня до дома».

У Петкии умбака прошла по роже:

«Что же, пожалуй,

это можно»

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТ НЮМНЯ № 24

ФИО	Число 22 года	Номер документа	ЧЕХОВА КРАСНОГО	Срок действия
БОЛГАРОВА ДИМИТРИЯ Н.				
БУДРУНОВА К.К.ЧЕРНОУС				
ШТИМЕР С.И.ШЕВЧЕНКО				

Контрольный лист № 24

Рис. Л. Баскина

1. ПРИСЯГА

Это было за полтора года до прихода Гитлера к власти.

У входа стоял лицом к людям две персоны: польские в синих мундирах, в чёрных пальцах, с лузыками на пальцах и обмотками на кистях — это были охранники. Они обсыпалыши шарфы в призрачных субтанах, двери и женщины — толпы ограбленных большевиков. К поискам оружия публика, вздохнула, привыкла и относилась насмешливо.

Парень с худым лицом кричит товарищу:

— Пончи в кармане, нет у тебя там орудий?
— У меня в заднем кармане пулумет, — подмигивает, отвечает другой.

Все смеются.

Грустно стоять в очереди. Здесь лышит в лицо индюк. Кто-то поздоровывает товарищу:

— Дай покурить.
— Я сам истратил на папироску последний грош!

Кто-то ваджасает:

— Ха, если бы у меня был хоть грош!

Одну папироску курят вторым, передавая ее из руки в руки.

...Я прошла сквозь ползущий строй в зал, где набилось по 5 тысяч человек. Заняты все стулья, проходы, окна, забита сцена, над которой расстилут стяг:

«Вперед по пути Ленина!

За советскую Германию!»

На пребывании рослый бородат в светлом kostume — поход гамбургского восстания. Он заговорил о Гитлере, об этом наименце, который украсил свою программу промиссами обещаниями, как называли украденными. Оратор выразил все эти проповеди и показал, что за птица Гитлер.

Публика — пятитысячная масса — выражала изумление криками: «Слушайте! Слушайте!» Она выражала презрение криками: «Уй, фуй!» Она выражала пересечение смысла, который Гитлер получила от бандеровцев, и ее гнев проклятавшейся по залу, словно раскаты грома.

— Рабочий позор! — кричала толпа язвительно.

Доказывая, много раз напагажденный аплодисментами, продолжал:

— Гитлер мечтает быть пальмой революции не для Германии. Он предлагают своим услугам так же против Советского Союза (крики: «Слушайте, Слушайте!...»). Сам Гитлер с безграничным цинизмом заявляет: «Большевистская Россия — это рабство... государство» (воздушные голоса: «Гамсто! Пирб! Пирб!»). Гитлер утверждает, что в Европе не будет покоя, пока на Востоке не разрушена крепость большевизма. Там — обитель, которой грозят захватить в свою руку и Германию, а победа большевизма в Германии — это его победа во всем Европе.

...Товарищи! Вашими руками хотят задушить первую море страну социализма. Согласны мы вам на это? (крики: «Ни в коем случае!»). Кто соглашается, пусть поднимет руку.

Пять тысяч человек словно застыли. Не поднимают ни одна рука.

Доказывая:

— А кто против?

С шумом поднимается лес рук.

Доказывая:

— Вы, товарищи, не согласны. А вот Адольф Гитлер, который имеет настолько говорить от имени немецкого народа, согласен... Адольф Гитлер считает необходимым вернуть в это выступление проповедь большевизма Америку, Англию, Италию и Японию...

— Таких путей Гитлер, не есть другой путь, — продолжал доказывая, — есть другой путь для Германии, это — путь наших русских братьев!

Раздался грохот аплодисментов.

Когда улеглось неистовое волнение толпы, оратор сказал:

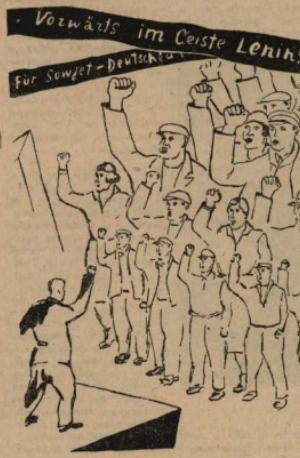
— Часто мне приходится слышать от рабочих высказывания таких сознаний: «Хорошо», — говорят они, — вот мы, немецкие рабочие, взяли власть вձащие! Ведь нас интересует со всех сторон скажут классами и раздают, как орехи... Я им читаю: «Разве нет в Польше и во Франции, в Англии и в Италии революционных рабочих, руководимых большевиками? Давайте же эти рабочие рабочие, мы, красная армия Европы, раздадим им оружие. Это должно быть, а будет рано или поздно, так же, как вчера будет восход солнца».

И снова в зале вспыхивает неистовое.

Составлено стало громко, воздух над залом стала напыщенная и аплодисменты запоминали ханжону.

Доказывая:

— Товарищи, Гитлер требует от своих штурмовых присяги. Он требует, чтобы они клялись в верности ему, Адольфу... Я полагаю, что революционные пролетарии Берлина изберут для себя присягу, которую наши братья, красноармейцы, дали в Москве на Красной площади. Я сейчас отлагаю эту присягу, и кто с ней согласен, пусть повторяет за мной.

Весь зал, пять тысяч рабочих встали плачом к полу и, подняв руку, склону в кулак, чеканили вслед за ломладчиком слова красноармейской присяги:

— Я, сын трудового народа, клянусь...

После присяги в разных концах зала раздались крики:

— Фор сий совет Дейтцланд — Рот фронт!

Толпа отвела глаза, забрасывая скатые кулаки: «Рот фронт», и с воодушевлением запела «Интернационал».

Мой проводник Бруно мюнхен. Он показывала руки на одухотворенную решимостью и гневом толпу и говорила с гордой радостью:

— Этак все — красноармейцы!

Теперь немецкие большевики не могут открыто сопротивляться и выступать перед тысячами рабочих.

Корпуса, линии и полы немецкой красноармейцев различимы по взводам, по отделениям и учили в окопах подполья.

Гитлер заснул комартию в подвале, как зима загоняет речи под лед, но от этого движение воды не останавливается.

Весной реки набухают и разут ледяные оковы.

И в Германии будет весна!

2. НЕОЖИДАННЫЙ КОНЕЦ

Дом холостяков бастовал шестую неделю.

Жильцы скривлялись упорно, как только могут держаться люди, у которых нет выхода. В большинстве бараков, они получали до двести марок пособия в неделю, а за комнату с них требовали семь марок.

Во главе стоял старик Рудольф Кюстер — человек, которого судьба била, как собаку. У него умерли от голода жена и четверо сыновей, и он выжидал четыре года. Жил одиноко. И был чем-то прородил марок, потому что любил в любую минуту изматывать глаза. Он создал стройную организацию с десятками членов и симпатий. По всему кварталу патрулировали люди, на груди у них ником спасатели:

«Мы бастаем!»

До холостяков превратился в беспредельную крепость. Каждая комната с окном, заселенная беспомощной единицей, стала крепостью нации бороться до последней капли силы. Однако суд стал на сторону домовладельца и решил всех насильников квартальной земли выселить.

Однажды утром явился судебный исполнитель с тремя полицейскими, чтобы выполнить решение суда. У входа в дом он настучался за человеческое ведо. Его встретили смехом и проклятием:

«Домой! Вон отсюда!»

Тогда появились грузовик с отрывом лестничной платформы в 60 человек. Полицей-майор скомандовал:

«Гуманинишель арасу!»

Дубинки вились над головой.

Лодыни лопались криками, стонами.

Шаги по телам людей, шум расчинства входа в дом, но встретила препятствие у входа в первую комната. На стук в дверь не отвечали.

Загадывая в замочную скважину, полицей-майор увидел в комната баррикаду, устроенную из столов, стульев, стулов.

Тогда началась второй акт драмы.

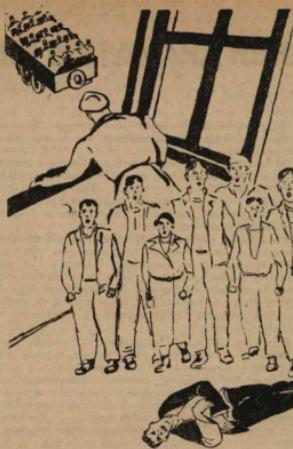
Вызвали покорную часть. Она подняла лестницу, по которой забралась туча зловещих шуп. Они разбрзгали стекла. Они пронесли в комнатах через окно и шипели оттуда, носа на руках изматывая, избегая то потерять сознания.

На другой день примирился Ганс Абель — молодого столяра.

Помимо кухни и бараковты Абель становил под текстильную паранджу любой. Его невеста — повариха, роженица Эльза — обрадала упрощенным характером и саником далеко заглядывала в будущее. Она обещала Абелю: «Счастье лишь после того, как он

ПЕСНЯ ПРОЛЕТАРИЯ,

ПОПАВШЕГО В ФАШИСТСКИЕ
ШТУРМОВИКИ

Из толпы вырвался «Интернационал»

На груди—плакаты: «Мы бастуем!»

Эти слова ударили Абелса в голову, и на акции его ободряющие картины мгновенно переменились. Любимая Эльза исчезла во мраке, ее заменил судебный исполнитель, полицейский-майор и избитый вчера хвост Шейн. Ему хотелось бежать, но куда? Он почувствовал, что не может бежать от своего несчастья, как наявубежать от самого себя.

Абелс сделал то, что обязался делать все жаждя в случае, если их придут высылать. Он заглянул в дверь несколько круглых глазков подковидных к дверям конюх, возвала на все двери, стоя и ступая в темноту. В конюх у него была одна мысль:

— До чего я дошел? Что меня ждет?

Он увидел в окнах, как мчится золотой автомобиль с полицейскими. Он остановился у дома ходстии, полицейские звонко спрашивали, обнимали дубинки.

Настроение полицейской машины выше Рудольф Кюстэр. Он был в элитах первых рубашек, с засученными рукавами. Абелс не мог усомниться, что скажет Рудольф, бы он знал, что Рудольф сделает уловительное заявление:

«Только через наши трубы вы перейдете порог!»

В ответ полицейский майор швырнула губами, трое аудиовинтовых веревок в синих музыках окружили Рудольфа, и дубинка легла на его голову пробор. Он упал, полицейские, схватив его за голову и за ноги, бросали на грузовик, словно мешок...

Уходит пустое брюхо.

Заснул с голодуши я.

Вдруг слышу крик над ухом —
«Проснись, Германия».

Гляжу. Иду. Их много.

«В третье царство!» — зовет орда.
Увидался с ними вместе.

Иду — все равно куда.

Шагаю, а рядом шагает
Толстенный такой инют.
Я ору — «Работы и хлеба»,
То же самое он орет.

Я был от голода тощим,
Был благопитан он,
Я хотел, чтобы стало по-новому,
Он хотел добрых старых времен.

Мне охота шагнуть налево,
Направо — клонит его.
И пол мной славнее
Пузатого колдовства.

Он — в сапогах высоких,
А я ковыляю бос.
Но мы шагаем рядом
Сквозь дождь и сквозь мороз.

Я голден и бледен,
Но не думаю ни о чем.
И шарю в «третье царство»
Совместно с брохамом.

Далось ему «третье царство»,
Ну, примо — вынь да подай,
Он шлет меня в атаку,
Он говорит: «Стреляй!»

Он революция дает мне:
«Сади врагу заряд!»
И целись я, и вину —
там

мой
брат.

Да это же мой братишка,
И голов у нас — одни,
И враг на нас обижен —
Упитанный господин.

«Прости! — кричу и брату —
Я дурень, мне это урок...»
И я поверяю оружье
И извел на гостин курок.

Мы с братом пойдем
Племен к племену,
Взадем на врага
курок.

Перевод с немецкого
С. Троттыков

ПОБЕДА КОМСОМОЛЬСКОЙ ДРАМАТИКИ

(О новой пьесе М. Колосова)

Пьеса Колосова «Путь» в значительной мере предполагает недостатки, до сих пор свойственные комсомольской драматургии—бытовизм, поверхностность, упрощенчество, бледность словесно-изобразительных средств. Однаково интересная для взрослого и молодого зрителя, она несомненно является шагом вперед в развитии нашей молодой драматургии.

Савранский (арт. Б. Оленин)

Материалом для пьесы послужил первый этап развития комсомола, когда в его среде обозывались «пророки» типа Дунинского, тащившие за собой молодежь в мелкобуржуазное болото. Авангардисты, забывши руководящую роль партии, игнорировавшие интеллигентство, юношеский синдикализм, увлеченные левой фразой—вот что характеризовало драматизацию.

Колосов не претендует на исторический документализм, но целый ряд обстоятельств и моментов, начального периода развития комсомола выражены в его пьесе исторически правдиво.

Савранский—центральная фигура пьесы, является италантливым выразителем драматизации, ее идеей, ее духом. Уже с первых шагов своей совместной работы с бородавщиком Савранским выявляется как стопроцентный авангардист. Он выстает на организацию юношеского отряда, после некоторой борьбы добивается своего. Авангардист Савранского схлазился с особой яростью в тот момент, когда он вопреки приказу Мельникову не отступил и, наоборот, обняв свою группу отряду о выходе «с открытого моря борьбы». Как и садилось окна, отряд был разгромлен кулачками, пешими к манимощам на помощь. На этом этапе Родина несет недопустимость отрыва комсомола от большевистского руководства, бессымленности и вред авангардизма.

По окончании гражданской войны Савранский, не наученный гореми опытом, продолжает выступать с защитой своих излюбленных теорий; он попрепиумит минт себя вождем, скиснувает на отсталых настроениях части рабочей молодежи, настаивает на организации юношеских профсоюзов и выказывается против принятия интеллигентов в комсомол.

На комсомольском съезде Савранский и его левые единомышленники выступают. Естественно, они выступают с комсомольской работой как человека, запиравшего ошибочные теории и нитонировавшего указания профти и боевой обстановке гражданской войны. От Савранского отходит даже его фальшивый логотип Шурты, рабочий парень, искренне считающий Савранского гениальным теоретиком.

Фото Евг. Лемберг

В заключительной сцене мы застаем Шурту в поисках человека, обдумывающего что-то глубокое. Чем думает Шурта?

«Надо учиться, посду учиться». Этими словами Шурты разрешает свои думы. И правильно. Шурты надо учиться и учиться. Тогда малограмматность («я ведь в теории не мастак») помешала ему как следует раскусить Савранского и понять ошибку последнего.

Но следует думать, что Колосов пытается дискредитировать свой пьесой интеллигентию. Разные интеллигенты мы видим в пьесе. Наряду с Савранским мы видим гимназистку Союю, осознавшую свой долг перед рабочим классом. Мы видим кроме того Мишу Руднева, пришедшего после некоторых колебаний к рабочему классу и ставшего политруком в отряде Савранского.

Комсомол первоначально представлял людей типа Савранского, помогая им стать на пути истини, на чаше всего Савранские шан в оппозиции.

Савранский страдает «честностью» интеллигентской фразы. «Честный» изображается вспомогательным персонажем, мало заботящимся о политической исполнительности и доходчивости своих речей. Как часто хочется остановить его слова: «Друг Аравадий, не говори так красиво».

Комсомол исключает из своих рядов Савранских, если они не желают ити в ногу с коласкинивом, но разумеется никаковая не исключена возможность появления на новой основе отдельных черт и особенностей савранщины. Вот почему пьеса Колосова воспринимается как заблуждение явление. Пьеса становится вспомогательным вопросом о героях нашего времени, вопросом о том, какой тип молодого большевиста нам нужен.

Алексеев противопоставляет Савранскому как тип комсомольца, осознавшего единство интересов партии и комсомола. Алексеев чудом перевоплощением фраза, поза, он честно доводит до конца поручения партии, короче говоря, он—честный солдат революции.

Однако Колосову нужно поставить в упор схематизированную поклонность Алексеева. Ходячий эпитет подобной молодежи, Колосов должен быть показан Алексеева со всей необходимой полнотой.

Элементы схематизации имеются в показе целого ряда персонажей. Глиненко—это парад-тетя с пре-тензиями к классической даме. Ее удел—скучное раздо-нерство. Колосов не сумел осветить этот образ художественной правдой, которую мы получаемы хотя бы в Мельникове, обрисованном скрупульностью.

Недостаток конкретности чувствуется и в образе Руднева. Остается удивляться, как этот гимназист, допускающий в прошлом серьезные ошибки, находился в два счета от своих интеллигентских болезней и стал «твадоракенным», ортодоксальным большевиком.

К сожалению театр не преодолел схематичности этих фигур.

Алексеев ведет свою роль в сдержанном, я бы сказал суровом, тоне. Но если Савранский играет

Пана (арт. А. Москалевая)

«чувством», вызывая порой смущение у зрителя, то Алексеев, выдержавший свою роль в хладнокровных тонах, не поддается эмоционально. Это—существенный недостаток спектакля, тем более, что Алексеев по замыслу автора противостоят Савранскому и является тем героям, с которого нужно брать пример.

Вообще же театр хорошо справился со своей задачей.

Большие трудности возникли перед артистом, изгнанным Савранским. Легче всего было опознать Савранского, окружить его, но этот вариант не мог бы быть приемлемым по отношению к Савранскому, которому нельзя все же отказать в наличии искреннего революционного пса (особенно вида).

Некоторые трагмы, благо поясняют характер комсомольской бодрости, создают на сцене гадлы, шумы, неумную толкучку. Всего этого нет в Мельниковом рабочем художественном театре. Комсомольский оптимизм утверждается не в переносном воспоминании, не в цепком удаче, не в плюско-покойной сценичности, а в настоящем жизнерадостном панфосе, сотворенном в меру комсомольским юмором, в духе гимназистического юмора, пронизывающей интуиции артистов, искренности, и извратности этой силы, которая делает артистов зрителей смеющимися с наложенным вниманием за разыгравшийся спектакль. Пьеса смотрится с большим интересом. И это несмотря на то, что в пьесе совершенно отсутствуют внешние эффекты, формалистические трюки, богатая романесканская выдумка. Пьеса берет своим содержанием, остройкой поставленной проблемы и конечно же талантливую и вдумчивую игру.

Савранский требует организации комсомольского отряда

ФУТБОЛ

Англия — страна славных традиций, мордов, джентльменов и спорта. Спорт! В Англии так блестяще поставлена эта величественная культура человеческого тела, что там даже преступников в тюрьме заставляют заниматься гимнастикой, чтобы потом удобней усадить на электрический стул, широкий, как зубочистка, в краски Кембриджа. Оксфорд — настоящие школы для солдат. Каждым увлекаются там люди, знаменито выхолившие свою мускулатуру. Профессор, понимающий в играх, команда регбия, гребных или футбольных, не бывает с ними на академические темы. К чему?

Эти молодые люди и так доблестно доказали, что они являются наследниками студентов Университета, которые в свое время были поклонниками футбола, а особенно поклонились по слуху знаменитому игроку, одевшемуся от его здоровья и ходе тренировок. И юноша сдержанно, но с полным достоинством дает исчерпывающие ответы. В Англии сияют и уваажают спортсменов.

Спорт конечно прекрасная штука, он выражается у человека твердость мышц, уверенность в себе, инициативность, но один только тормоз физического воспитания не спасает от бедных кризиса, известное количество фунтов с твердым курсом в кармане дают все-таки человеку больше уверенности, чем прекрасная твердо-эластичная мускулатура.

• **Ф**утбол выдумали англичане. На первых порах увеличение новой игры достигло таких размеров, что потребовалась специальный указ Эдуарда II в 1307 году, запрещавший игру в мяч на улицах городов и городских дорогах. Сорок лет спустя появился также указ Ричарда II, запрещавший игру в футбол — слишком буйный и массовый характер игры винила королю справедливое опасения.

В России футбол появился лишь в 1901 г. Робко попытав под бессовестную поддержку со стороны знати, выиграл на весь период империалистической войны. И только в СССР футбол команда соцплемен выкатился на просторные спортивные горизонты нашей страны. Футбол превратился в подлинно стихийное бедствие. Не было ни одной улицы, ни одного пустыря, где бы юные энтузиасты не занимались овладением футбольной техникой. Частенько такие тренировки сопровождались взрывами, вследствие которых на головы и плечи падавшим поголовно становилось прозябана. Футбольной стихии было противостоять развернутое спортивство спортплощадок. В результате мы уже в 1924 г. в Париже у сильнейшей турецкой команды выиграли матч со счетом 3:0. В 1925 г.

во Франции сборная команда Москвы без особого труда одержала четыре победы над командами французского рабочего союза. В 1926 г. в Германии и Австрии во всех встречах с командами рабочих союзов мы выиграли соревнование. Все это и последняя триумфальная поездка наших футбольистов в Турцию свидетельствует, что футбол в нас стал не только массовым и любимейшим видом proletariatsкого спорта, но что мы достичем в игре высоких показателей, настоящего мастерства.

• **К**аковы основные положительные качества футбола? Футбол — это игра целого коллектива. Он развивает коллективные качества. Командная комбинация должна быть строго продумана за несколько пасов вперед, сквозу на обдумывание дается доли секунды (тут отличие от шахматной комбинации только во времени). Если в команде имеется игрок даже самого высокого класса, но он стоит вести игру солистом, испытывает на партнеров, то как подобно тому как птица, обречена на погоню, команда не выстоит против сильного сопротивления. Апрельской пристройкой согласованности, при детальном учете всех возможностей, индивидуальных качеств каждого игрока команда будет работать на матче, как стройный, хорошо смонтированный механизм.

В игре честолюбие каждого игрока должно отходить на задний план. Дело не в красивом ударе, а в правильной комбинации, расстановке. Футболисты должны играть вместе. Широкому самопожертвованию на поле нет места. Большим трехкомнатным вторым и третьим комманды являются отсутствие тренировки специальной гимнастикой. Многие футбольисты считают, что основная тренировка — это на поле с мячом, а остальное приложится. Этот слуга неверный взгляд приводит к тому, что игрок костенеет в своем спортивном росте. Специальная тренировочная гимнастика комплекса строго необходима для каждого футболиста.

• **С**уществоует у некоторых изысканное мнение, что футбол — игра грубая и очень опасная. Это неверно. Несчастные случаи в игре хороших футболистов исключительно редки. Когда же играют неопытные новички, аварии сплюшь да рядом. Объясняется это тем, что в сочетании движений и мышечного напряжения. Футбол имеет огромное воспитательное значение. В футболе существует своя этика учтивости, деликатности и уважения к противнику. Несмотря на внешний простой характер игры, хорошие футболисты расточают меньше тоочек в игре, чем некультурный пешеход на улице. Футболист меньше рискует в игре, чем человек, который шагает по мостовой, не зная правила уличного движения. Царинин и сединин — это наказанный расход, они быстро и несложно забываются. Но если футболист не следит гордиться как занятием своей доблести, то он вынужден команда должна заранее обсуждать и проанализировать систему борьбы на матче. Продумано должно быть все, видото до отдельных комбинаций. Надеяться на свою футбольную интуицию — значит идти расслабленным и неуверенным на матчи.

Самое основное, за что мы должны сейчас бороться в футболе, — это выигрывать с корнем из игры искру предметную грубость. Никогда не может пройти мимо, комуку или организацию, за которую он играет, как грубость. Злоба на свое бессыные приемы с опытными игроками — вот что является частенько причиной грубости и некультурности игроков. В Советском союзе нет спортивных судей, лично заинтересованных в победе той или другой команды. Напомним к судье характерно только для буржуазного спорта.

В предстоящем футбольном сезоне нам предстоит много встреч с рабочими иностранными командами. И пусть помнят наши товарищи-футболисты, что нам важен не только показатель победы наших команд, но нам не менее важно, сумеют ли футбольисты Советского союза на поле показать, что они не просто антрактисты в новых условиях, в условиях новой жизни и морали. Пусть они покажут, что они не только хорошие футболисты, но и хорошо воспитанные пролетарики.

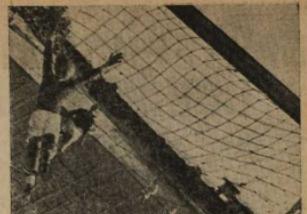
• **Ф**утбол выдумали англичане. На первых порах увеличение новой игры

достигло таких размеров, что потребовалась специальный указ Эдуарда II в 1307 году, запрещавший игру в мяч на улицах городов и городских

дорогах. Сорок лет спустя появился также указ Ричарда II, запрещавший игру в футбол — слишком буйный и массовый характер игры винила королю справедливое опасения.

В России футбол появился лишь в 1901 г. Робко попытав под бессовестную поддержку со стороны знати, выиграл на весь период империалистической войны. И только в СССР футбол команда соцплемен выкатился на просторные спортивные горизонты нашей страны. Футбол превратился в подлинно стихийное бедствие. Не было ни одной улицы, ни одного пустыря, где бы юные энтузиасты не занимались овладением футбольной техникой. Частенько такие тренировки сопровождались взрывами, вследствие которых на головы и плечи падавшим становилось прозябана. Футбольной стихии было противостоять развернутое спортивство спортплощадок. В результате мы уже в 1924 г. в Париже у сильнейшей турецкой

команды выиграли матч со счетом 3:0. В 1925 г.

БАКТЕРИОФАГ — ПОЖИРАТЕЛЬ МИКРОБОВ

Для обывателя Индия — это ольянно-щая экзотика. Индия — «страна чудес». Микробиологам приходится рассматривать этот благословенный край с другой стороны. Индия — страна чумы, охолода, блошного тифа, чумы. В 1817 г. холера прошла по всей Индии и постепенно распространилась почти на всю населенную поверхность земного шара. В 1923 г. в Индии вспыхивает одна из очередных вспышек чумы, охватив только за 3 мес. более 200 тыс. чел. В следующие годы

подвергнуто детальному изучению. Вскоре чума стала восторжествовала. Причина самоочищения была исчерпывающе выяснена. Вместе с тем перед учеными раскрылся новый мир, мир неизвестных микробов, о которых раньше никто не слыхал и не смел даже мечтать. Это было как раз в начале войны. Английский микробиолог Творт обстоятельно изучал микробов, выделенные им из ослепленной вакциной. Он выделил эти микробы в плюсовых чашечках с желеобразной питательной средой. Микрофы размножаются с рекордной быстротой. При благоприятных условиях каждая микробная клетка через 20—30 минут делится пополам, каждая половина получает все ее достояние и т. д. Один из этих клеток даёт потомство, давнее наследство Моддена. Материнская клетка вместе со своим неистовым потомством образует на поверхности питательного субстрата патинчико, видимое простым глазом. Такие скопления называются колониями микробов. Вооружившись лупой, Творт методически просматривал чашечку за чашечкой. Перед его глазами с кинематографической быстротой медленно белые, эластичные, круглые, как булавочная головка, иногда затянутые, взвихристой формой колонии размножались, уединяясь.

Тысячу раз он наблюдал мутноватые колонии «микробиков», но однажды он на неизвестном предмете начало бледнеть, становиться все более и более прозрачными и наконец, к величанию изумления, совершенно исчезли.

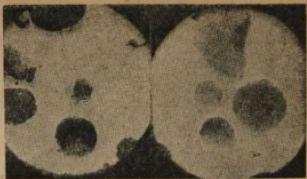
Оказывается, микробы могут исчезать не только из рюк, но также из маленьких чашечек Творта. «Если перенести частицу питательной среды с растворившимися бактериями», — пишет Творт, — на новую колонию, то последние в свою очередь даются прозрачной и растворяются. Это явление возможно рассматривать как особую инфекционную болезнь самих микробов».

Итак, микробы болеют?

Микробы поражают все и вся. Микробы вызывают у человека, у животных, растений, земноводных, насекомых, сотни всевозможнейших заболеваний. От этих неизвестных вадоидов страдают орлы, черепахи, тараньи, шакалковые черви, картофель, глиадин. Известно огромное количество способов микробиотерапии, вызывающих гибельные изменения в различных раков, микроскопических амёбах, инфузориях.

Неужели же и микробы подвержены заболеваниям? И правда ли был Творт? В 1917 г. канадский бактериолог Д'Ерроль столкнулся с таким же случаем.

Среди сотен пробирок с мутной, довольно густой разводкой лизогерийных бацилл у него бросилась в глаза одна пробирка, в которой буяны оказались прозрачным. Несколько капель, перелитых из этой

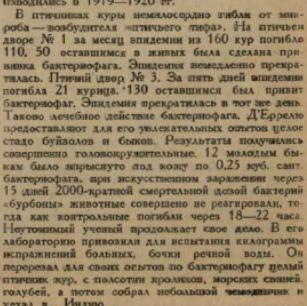
Наслонение микробы рака у растений, изъеденные бактериофагом

«чудесной» пробирки в новую пробирку с кишечницами в лизогерийных, через несколько часов прошел и ее. Д'Ерроль взял щадко из этой второй пробирки, перевела в третью — такая же история. «Что это? Уничтожающее лизогерийные микробы — нечто, существующее и в культуре, и в сущности, и в организме. И разве я не имею право назвать это бактериофагом?»

Оно покоряет микробы и, пораженный своим открытием, Д'Ерроль записал: «Я открыл покорителя микробов, который сам по себе вероятности является микробом мельчайших размеров. Он невидим даже в самый усовершенствованный микроскоп, позволяющий различить частицы величиной в 5-миллионную часть миллиметра». Итак, как предполагают Творт и Д'Ерроль, на нашей планете существуют пока еще неизвестные, мельчайшие микробы, которых Д'Ерроль для ясности назвал «бактериофагом». Бактериофаг означает — покоритель микробов.

Ученые Англии, СССР, Америки, Франции, Японии, Аргентины, Канады, на поиски этих чудесных существ отправили десятки исследователей. Аантропатура фрактографе можешь заполнить целые шкафы. Бактериофаги были найдены в культурах ряда микробов помимо лизогерийных. Их находили в различных почвах, в морской воде, в Сене, в Москве — рече, в Доне. Их и особенно часто в испытаниях вымоделировавших болезни. Но не было ли опасения, что микробы, подвергнутые воздействию бактериофагов, могут выжить? Д'Ерроль размножал бактериофагов в неограниченном количестве. Бактериографы он отдала от оставшихся в бульоне бактерий, пропуская смесь через особые бактериальные фильтры. Порой эти фильтры необходимо мыть. Микробы в них задерживаются, а в профильтрованной жидкости находятся живые бактерии. Д'Ерроль изобретал различные способы бактериографии. Надо сказать, чтобы эта находка была принята на вооружение, во всяком случае бактериофаг не причинил смешу кому ни малейшего вреда. Вслед за тем Д'Ерроль открыл новую страницу в истории бактериологии. Он решил применить бактериофаг как лечебное средство против различных болезней. Первые его опыты проводились в 1919—1920 гг.

В птичниках курс немало скроено гибелью от микробов — возбудителя «птичьего тифа». На одном из птичников в течение 150 дней приходило 110, 50 птиц, оставшихся в здании были сделаны пробы на бактериофаг. Эпидемия немедленно прекратилась. Пример № 3. За пять дней инфекции погибли 21 курица. «130 оставшимся была придана бактериограф. Эпидемия прекратилась в тот же день. Таково лечебное действие бактериографа. Д'Ерроль предоставляет для его увлекательных опыта целое стадо буйволов и быков. Результаты подуманные совершенно головокружительные. 12 молодых быков было инфицировано под кожу по 0,25 куб. сантиметра. Каждый из них получал по 1000 единиц бактериофага. Через 15 дней 2000-кратной сморщенной яичной бактериальной «бульонки» животные совершенно не реагировали; тогда как контрольные погибли через 18—22 часа. Нетривиальный учитель продолжает свое слово. В его лаборатории призван для испытания кишечных инфекций бывших, бочки речной воды. Он перерезал для своих опытов по бактериографу целый птичник кур, с пасущимися кроликами, морских свиней, голубей, а потом собрал небольшой «человечинки» и уехал в... Индию.

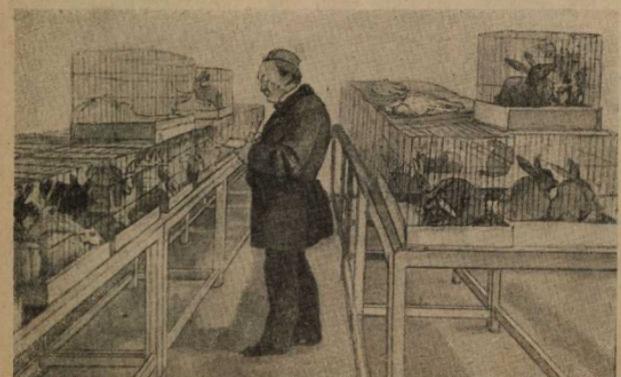
Больной крысе прививают бактериофаг

сженедневно заболевают чумой 5, 10, 15 тыс. чел. и столько же в Индии. Птичники Индии — замечательные места. Отечеством птичниковой холеры, как пишут английские немецкие микробиологи (Колл и Петт), является дельта реки Ганга.

Сократий Ганг! Тогда индусы всех каст и сословий совершают обряд очищения в этой реке, достаточно грязной, кишачщей всевозможными нечистотами и вредоносными бактериями. В результате этого купание во славу божиих зачастую вспыхивает сластины вспышки холеры, брюшного тифа, дисентерии.

Но иногда, как это ни странно, из вод Ганга и других рек Индии болеют не микробиологи, а медицинские работники. Д-р Гарри Гаррисон, который река Дравидия у города Агра содержит в 1 куб. сант. 100 тыс. холерных инфекций, а на 5 км. ниже города — всего лишь 90—100 заражений. В чем же причина самоочищения воды этих рек? Враги в смущении называли плачами, терпясь в лодках, а смешинасисты тем временем «обправили» этот факт в свои интересы.

Так долго продолжалась не могло. Загадочное явление самоочищения воды должно было быть

Знаменитый французский микробиолог Пастер (1822—1895 гг.) наблюдает подопытных кроликов

А.Ерделев решал наполнять колеровыми бактериограммой, который он уже научился разводить в лаборатории. Вспомогательный бактериограф встретился в книжках баломного с холерными микробами и там их покропил, так предполагали учёные. И действительно, 2 куб. смект. экскретователя жидкости, в которой находился бактериограф А.Ерделев, возвратили холерных больных к жизни. Из 704, из которых 143 человеки, погибли от холерной бактериограммы, выжило 561 человек.

Деррель продолжал свои исследования. Он решил, что назначем носиться смухами из хижин к хижинам и поить толпы народу из ложек. Он вымыл в каждую колодец селения по юношеским бактериографам и стал ждать результатов. Холера прекратилась.

Д'Эррель готовился к возвращению домой... Ступил в дверь.

«Доктор, вас зовут». Д'Эррель вышел на террасу. Измученный гонец с широко раскрытыми глазами, кинулся навстречу к нему и пробормотал:

— В Ганге снова бушует холера. Спаси! Д'Ертель хорошо помнил, что во все колодцы селения Ганга он наливал бактериофаг. Значит, значит его детище, его идея потерпела поражение? Нет, этому не быть!

Учитель мчится снова в Гаг, он ржаке по всем дверям, расспрашивает, выпытывает у жителей села, каконек выясняет: жители этого селения скрывают от него существование колодца, находящегося во дворе одного дома, расположенного в сотне метров от села. Они пользовались водой именно из того «чистого колодца», т. е. не загрязненного рукою чиновника, 40 куб. сант. баллонета бились медленно вмести в зловонный колодец, и после этого в селе заболевание прекратилось.

Так кажущаяся неудача блестящее подтвердила значение открытия Д'Эрреля.

Врачи Бразилии выкинули из своих аптечек кучу различных лечебных сывороток и взамен их на почетное место водворили бактериофаг. Ряд заразных заболеваний там лечится исключительно бактериофагом.

• Года два назад на Донбассе в июле среди населения вспыхнула эпидемия загадочного. Воачи поименовали бактериофаг Д'Ерре-

В 1930 г. проф. Предтеченский проповедовал о лечении тифозных болезней бактериофагом в Днепропетровске и получил совершенно отчетливое бактерицидное действие. Бактериофагом сейчас уже лечат от холермы, дифтерии, брюшного тифа, от гнойных заболеваний. Бактериофаг лечит людей, щенков, птицы, кроликов, птицы и даже растения. В 1907 г. был открыт микроб — возбудитель рака у пастистов. Этому заболеванию навсегда картотека.

Империалистам нужны десятки тысяч рабочих в колониях. Неудивительно, что массовые болезни рабов их сильно беспокоят. Кроме того они угрожают и самим белым колониальщикам.
На снимке: медицинский отряд по изучению тропических болезней на острове Суматра осматривает больных ребят

фель, табак, виноград, маргаритка, яблоня, левкой и десятком других растений. На острове Флорида было найдено растение, раковая опухоль которого весила 2 пуда!

Московский профессор Изральский смачивал семена свеклы бактериофагом, вслышавши эту замечательную жидкость в раковую опухоль растений всегда с неизменным успехом. Пропитывая в тканях растения бактериофаг уничтожал целым «раковым» микробов. Такова сила бактериофага. Бактериофаг при надлежащей запасной будущности, «Бактериофаг, Бактериофагом, или Бактериофаге» — склоняют на все альда учёные всего мира.

Что же такое бактериофаг? Если задать такой вопрос десяти виднейшим микробиологам мира, то рискнуть получить десять самых различных ответов. Георий Бактериофаг более двух десятков лет Творг и Д'Ероль считают, что бактериофаг—паразит микробов. Он—малыш, существо созданное самим микробом. А вот Франк (он-кремон) считает, что бактериофаг—микрофаг (микрофагия питается, размножается, она подвергается изменениям, уничтожаются при температуре в 74—75°). Ясное дело, утверждают они, бактериофаг—живое существо. Кто же возьмет слово против этих неопровергаемых локализователей? Охотников поизирать оказалось немало. Все живое любят, делают это усердно, и в этом смысле утверждают Варшава и Рига, что бактериофаг не является. Таким образом, согласно им, бактериофаг не является организмом, даже самых простейших, мицелиевидных бактерий. Ученцы академии Баха, Ермольева, путем ультрафильтрации получили бактериофаг в чистом виде, совершенно лишенный белковых веществ. Бактериофаг, утверждают они, является продуктом

бактериальной клетки.

Спор разрастается. В английском журнале «Лан-
цет» появляется статья Бойнотта. «Бактериофаг —
пишет он — не живое существо и не вещество.
Бактериофаг — это последнее звено между живой и
мертвой природой». Сме-
ляя мысль, но, увы, это
положение достаточно ум-
зрительно.

Что же такое макрофото-
бактериофаг? Какова его
природа? Мы все знаем
о том, что построение
головы бактериофага. Притя-
гивающая и ферментная
бактериофага непрерывно
растут и ашпир и вегабут.
Бактериофаг стал бы
таким же для пропаганды
лечебных свойств ванци-
дил для изучения изменчиво-
сти антибиотиков. Совсем не-
давно был предложен спо-
соб использования бак-
териофага для профилак-
тики. Сущность бакте-
риофага, заложенная, не

Предохранительный наряд врача во время чумной эпидемии в средние века

В ближайших номерах „Смены“ напечатает серию научных очерков о новейших достижениях и боевых проблемах науки и техники.

В следующем номере будет напечатан очерк
о Б. Петровске с полетах в стрatosферу.

Редакция просит читателей „Смены“ сообщать об интересующих их темах для научных очерков.

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ЧУТКИМ

Перед нами письмо секретаря ячейки комсомола, который недоволен решением комитета, обвшившего свою избирательную группу за «нечистый, невнимательный подход».

Вопрос о знании людей, их нужд и запросов, вопрос о правильном руководстве—вопросы не новые. Они уже неоднократно обсуждались на страницах нашей печати, об этом очень много говорили вожди и руководители партии и рабочего класса. Однако еще до сих пор многие руководители профсоюзных и комсомольских организаций не уяснили всей важности чуткого и внимательного отношения к нуждам и потребностям рабочего класса, отдельных членов этого огромного коллектива.

Именно поэтому к этим мы считаем необходимым спешно отвечать на письмо т. Максимку (Байек). Он пишет:

«Может, этот вопрос и не совсем бытовой, но я решил обратиться к вам».

Недавно комитет комсомола обнял мне стройной выговор за «невнимательный подход к человеку».

Как дисциплинарный член организации я подчинился этому выговору, но в душе с ним не согласен и поэтому прошу обсудить, так сказать, моё «дело» на страницах вашего журнала.

Суть вопроса заключается в следующем. Год назад я учредил в своем рабочем кабинете рабочую группу по изучению и применению методов и приемов работы с рабочими, чтобы я мог внести в нашу ячейку комсомола и письмо о необходимости внимательного, чуткого подхода к рабочим, к их запросам и нуждам. Пространство времени это, я могу откладывать то или другое, исходя из того, когда мне приходили товарищи на что-либо жаловаться. Бывало по нескольку часов сидела я откровенно рассказывая отдельным комсомольцам о их жизни.

Все были довольны тем, что я так внимательно, и ко мне стали приходить часто ребята советоваться по спору «личных» делам. Я их очень внимательно выслушивала и не формально, а, наоборот, сам выслушивал их на откровения, всегда сочувствовал, давал советы и общался сам с помочью. Это мозг подтверждает, что моя группа комсомольцев стала работать гораздо лучше. Но вот когда я стала заниматься комсомольцами и рабочими, то я стала получать склонности на то, что я должна быть чуткой, а не в ячейке.

Конечно эти дела я не занималась. Но тем, где дело шло о жизни человека или тяжелом психолого-психологическом моменте в его жизни, там я всегда давала советы и помощь.

И вот в результате всего я получила выговор. Бытовым коллегам комитетом было выписано бытовое разложение, антисанитарные посты, склоки. Член коллектива Петя мне вкратце рассказал про это историю, но когда он ко мне пришел, нужно было заниматься не коллективом, а Петром. Он был подвержен гладческим настроениям, говорил, что устал бороться с безобразиями, которые творятся в общежитии, что «с траят и не едят».

Я же сказала ему, что я не могу, что я не могу, что не все, что это приставки, корочки не считаю, что как большинство он должен предложить все препятствия. Правда, в общежитии я не ходила (была очень занята), но мне было все известно.

На заседании комитета, как это обычно бывает, к этому делу присоединились еще десяток. Выступали комсомольцы и говорили, что я и вообще

брюхей совершенно не знаем, как живут комсомольцы, что среди молодежи многие не имеют жилищности («погнуты на воках»), что я только спиртное граблю, а дело не винило и не практика не помогла («споши, видите ли, им не достало, постелью ведь не имели, видите ли, и т. д. и т. п.»).

...В общем вышло, что я «не чуток к запросам молодежи», «невнимательна», «взяла цифровую потерю человека», и т. д. и т. п.

Я считаю, что все это — показано на меня. Для меня все комсомольцы одинаковы. Есть определенные правила, и они для всех обязательны. Существует закон, что ботинками занимается кооператор, — этот закон и для комсомольца обязательен. Ячейка — это кооператор. Есть закон, что о комнатах заботится комок, — так честно ячейке этим делом заниматься.

Ячейка — не ботильон: всякие денежные и материальные поддержки комсомольцам оказывать не может. А совет дать — это другое дело. Это дело ячейки, дело секретаря...

За что же я получила выговор и что такое «внимательный и чуткий подход к человеку»?

Из этого письма мы выпустили очень много подробностей, которые подтверждают, что т. Максимку не занималась чутким и внимательным подходом к запросам рабочей молодежи, действительно передко подлагая беседованию с отдельными комсомольцами, внимательно выслушивая их жалобы. Однако прежде чем ответить на некоторые вопросы, поставленные в этом письме, необходимо отметить самый существенный и крупный недостаток работы т. Максимку как руководителя ячейки. Он пишет, что в свое время в газетах очень много писали о необходимости изучения запросов отдельных групп рабочих, о членстве в группах. На основании этого он стал претворять это действительно цепное указание в жизнь. Однако как показала свою задачу т. Максимку? Он беседовал и умудрялся внимательно выслушивать того или другого товарища, но дальше этого не шел. В лучшем случае он давал совет или общал помочь. Как известно, и совет и обещание — очень хорошее дело, но повидимому этого от руководителя требуется конкретная помощь — только советом, и делом. Это — первый и самый существенный недостаток в практике работы т. Максимку.

Второй, не менее существенный недостаток заключается в том, что секретарь ячейки т. Максимку поставила вопрос о внимательном и чутком подходе к молодому рабочему «с его горем и радостью, с его нуждами и запросами» пока не как метод, который должен войти в систему работы каждого руководителя, а как кампанию, о которой «много в то время говорили и писали».

Нужно раз написать успеть, что уметь за пару дней не значит уметь быстро и четко реагировать на ваши запросы повседневно, а не в отдаленные отрезки времени, когда об этом говорят газеты или когда это подчеркивают отдельные руководители нашей партии и комсомола.

Совершив раз две ошибки, т. Максимку совершил и третью. Тов. Максимку считает, что такие вопросы, как отсутствие ботинок у толпы или другого комсомольца, его временно тяжелое материальное положение, отсутствие жилищности и т. д., — этим интересоваться вообще комсомольская ячейка не должна, а должна супружеским советом решать эти вопросы. Людей, которые приходят к нему с такими просьбами, он даже не считает нужным выслушивать, для этого у него приготовлен стандартный ответ: «Ячейка — это ботильон, обратись в кооператора, и т. д. и т. п.

Совершенно ясно, что, держась таких убеждений, т. Максимку не может осознать справедливость

наплощенного на него взъятияния. Именно за то, что т. Максимку часами выслушивала жалобы комсомольцев и не принимала никаких практических мер, чтобы помочь этим товарищам, именно потому, что т. Максимку, увлекавшись интимными «разговорами по душам», допустила разложение бытового коллектива, не позволив даже побывать в общежитии ребят, именно потому, что в ячейке т. Максимку много комсомольцев, но им жилища дали, постелью ведь не имели, видите ли, и т. д. и т. п.».

Именно по этим причинам ему совершенно спрятано пред лицами обвинение в невнимательном

Терпеливый слушатель

и нечтким подходом к живым людям, именно поэтому ему обьявили выговор.

«Да, но ведь я выслушивала, и сам заставил ребят рассказывать мне обо всем — возражает Т. Максиму.

Тов. Максимук понял свою роль как рода человека, обязанныго своим вниманием выслушивать и — не спонсируя! — Тов. Максимук.

«Да, меня все комсомольцы одобряют. Есть определенные правила, и они для всех обязательны.

Но ведь, т. Максимук, бывают же случаи, когда член комсомола в силу тех или иных обстоятельств оказывается в очень скверном материальном положении. Разве не задача ячейки помочь ему? Бывают же случаи, когда у молодого рабочего нет ботинок, из-за этого он не может нормально работать, у него нет жилищности, и он не может обратиться в кооператора. Разве не задача ячейки помочь этому товарищу наладить работу того же кооператора?

От этих дел отмахиваются. И пахут руководитель, который не понимает этого.

Правильно вам, т. Максимук, обьявили выговор. На досл. доказатель, что вы умеете быть действительно чутким и внимательным!

В. ШАПКИН

КОМСОМОЛЬСКИМ КОЛУМБАМ

И гордость верблюжьей походки
Сменяла незам усталость,

И юношеское счастье глотки,

И спутников мало оставалось.

А путь беспредельно далеский,
Застышие воины барханов
И дад с жалостью глубой...

Но нам отыскать еще рано.

Но вот ураганное наество

Пески поднимают стихия,

И бешеною пылью смерти —
Взвишаются ветры сухуми.

Раскрылись у ног каранзы

Пески подведенных самулов,

И вновь прорывные по барханам

Пески комсомольских колумбов.

И каждый открытым овалом

Вскрывает нам веера Востока,

Чтоб сердце юношеской Азии

Звенело цветущими хлопника.

Чтоб эхо колхозных фордзонов
Неслось к островам оксанов

И грудь орошаемых склонов

Дымала боровой Турукстан,

Разломана широк Кара-Кумов,

Все дающие бредут караваны,

Влади Кашет-Даги угрюмо

Готовят лавины, бурины,

Нас ждут испытания, самулы;

Но нам отыскать еще рано...

Серый завод Ка-Карунах.

МОГИЛИ ДВА ТОВАРИЩА

Еще к вопросу о

„молодых старичках“

• В реке тонул депутат. Депрессивный крик дал об этом знать берегу.

На берегу моментально начались diligенции. Люди понимали, что погибла девушка, и пытались помочь. Но, как часто в таких случаях бывает, дело ограничивалось только консультацией. Ни один из бегающих и плавающих не бросился в воду.

На следующий день странное поведение береговых людей вызвало спор между двумя закадемичными друзьями.

— Ну, не бросася народ в воду потому, что свою шкуру жжет, — говорил Володя.

— Ничего подобного! — возразил Сергей. — Твой об «одиноком плавании» — это же подводишь под свой ответ глупой базой.

— А у тебя есть база? — сплюхнула Волода.

— Есть! Я доказал всем людям на рукопашных и исполнительских.

— Ну, а какое же это отношение имеет к тонущей девушке?

— Большое. Исполнительные всегда действуют под влиянием сковывающих.

— Все равно не понимаю.

— Не понимаешь ты потому, что у тебя склад мышления ограничен.

— Следи за тонами, Волода! — Но оскорбить — это еще не значит доказать.

— Как? — удивился Сергей. — Ведь я тебе как будто бы доказал, что все люди делятся на рукопашных и исполнительских.

— Не подумаешь, — зевая Волода, — я знаю, что по твоей системе исполнительные всегда слеют на рукопашных. Но вчера на помощь девушке, как тебе очень хорошо известно, не бросася ни рукопашные, ни исполнительные.

— Волода, отвечай! — Сережа. — Исполнительные не дали потому, что этого не делали рукопашные. А рукопашные не бросались в воду по различным причинам. Одни потому, что они еще не успели разлезться, другие потому, что не успели отстать после купания, ит. а то есть просто-напросто были слишком разгорячены для того, чтобы сразу броситься в воду.

— Рукопашные, значит, боялись простуды, — пропищал Володя.

— Верно. Все-таки понял.

Л. Понял, — много-
значительным сквозь Воло-
да и замолчала.

Он миг, таинственность читатель, увлекался спором друзей и забыл о реке и девушки.

В реке попрекнули тонущую девушку.

Она уже отчаялась дождаться помощи. Она захлебнулась.

В этот момент с берега эмоционально, что недалеко от девушки, плавает какой-то мужчина. Этим мужчины был Сергей. Сергей увлекся только что освоенной техникой плавания и, сидя на краю воды, выкинул вперед руки, тяжело засыпал плавниками течения. Возмущенный таким безразличием берега, он, не дождавшись затока, а затем сре-ди вспесившей наступившей тишины, раздался одинокий выдох:

— Мерзавец!

Сergeя ослепила камни. Пары булганинок спасли членов из горячей воды и взвелили ее на плечи. Сергей и взялся за это и наше мир. Он по-волею громко в струю болота и бросил спре-тишись:

— Чего надо?

— Назад, назад! — кри-
чали оттуда.

Человека спа-
тила чайка-враг

Серега обернулся по-настоящему по Рядом? с ним в по-
кинули белогуровые. В последний раз мель-
волосы девушки над водой показы-
вание ладони и да-
лее.

— Спасибо!

сай. То-о-о-пет, —
мывший теноришко.

Ся и тут только на-
яла, в чем дело.
следний раз мель-
волосы девушки над водой показы-
вание ладони и да-
лее.

Кричали с берега.

Серега тоже хотелось научиться плаванию, но его возмутила идеалистический подход Владимира к этому вопросу.

Учиться плаванию вам нужно, — говорил Се-
режа, — но совсем не потому, что без плавания

парко.

— Опять база нужна? — спросил Володя.

— Опять, — ответил Сергей.

— Ну, говори, слушаю.

И Сергей сказал:

— У нас в цехе вступила начальник лодочной станции. Он утверждал, что социальный состав ут-
важающих нас людей — это эксперты уличных. Если в прошлом году среди 33 работников было 9 рабочих и 6 комсомольцев, то в этом году среди 20 уполномоченных рабочих 11, а комсомольцев 9.

— Значит, мы будем учиться плаванию, — сказ-
ал Володя, — чтобы не утопнуть.

— Совершенно верно.

— Да, но ведь если мы не утонем, — усмехну-
ясь Владимира, — то среди покойников на одного комсомольца будет меньше и социальный состав ут-
важающих ухудшится.

Это ничего, — отметил Сергей. — У твоей гэзы
ничего нет. Раз будет пахок социальный состав
упадет, то он будет гораздо среди уме-
ющих плавать?

Володя научился плавать быстрее Сереги. Он
давно уже переплыл на тот берег, в Сереги толь-
ко сегодня впервые пошел на 50-метровую дистан-
цию — и вдруг это дурацкое происшествие с де-
вушкой...

Он не помнил, как дала плавать до берега, как вы-
лез на пристань и где наша сны вымыть на-
верх и девушку.

Все это делалось, как в полусне.

Услых в спину приехал Серега в чувство.
— Негодяй, — кричала тенорышка, — что же вы
уставливаете на девушку? Откладывайте ее! Отклады-
вайте!

Серега слова напрят всю свою волю и взял де-
вушку за лодони.

Но это что?

По асцепции видел Володя. Да, да — он, наконец-то! В руках у него папироса.

Серега совсем забыл о том, что сам посыпал

Володя куревом.

Володя растолкал топлу.

— Что это с тобой, Сер-
ега?

Серега уже все было

безразлично. Сыны окон-

чательно покинули его.

— Меня бьют. Я пы-
кал, Володя.

Володя все понял. Он

положил Серега на спину,

раскинул ему руки и сказ-
ал:

— Глубоке дышни и ни

о чем не думай.

Затем Володя рас-
стегнул в талии купаль-
ный костюм и разжал де-
вушке рот.

— Откладывайте, — по-

пробовал бы посовето-
вать тенорышку, но Воло-
дя сразу отрезал:

— Отстань.

Исполнительное дыхание и

макары покинули свое до-

ло. Через 15 минут вы-
шла наружу покалеченная

стакан речной воды, и вскоре девушки тяжело

захлебнулась.

— Дышни! — крикнула

тенорышка. И, подмиг-
нув почему-то Володя,

сказала:

— Ну, ты, малый, на-
верное, замолчи. Дай тे-
перь и нам, старичкам, по-
мочь дышни.

Серега, уже неименного

исполнителя, слизнула

вту фразу, но не придал

Серега споря было направился к девушке, но
потом сразу опомнился и остановился.

— Как же спасать? — мелькнуло в сознании, —
ведь ты сам только недавно научился плавать.
Попарочками обратно, — твердило сознание, — спа-
сайся сам. И Серега повернулся к берегу.

На берегу снова завопили:

— Назад, назад!

Кинувшись в воду и вдруг —

тупой удар. Серега стала терять сознание. Течени-
ем потянуло его вперед. Ноги сдавились синевами и
потянули его под воду. Чуть выше уха кровоточила рана. Где-то далеко рождалось: «Володя, и
ты наверное был». Сознание медленно превращалось
в это мысль. Из глаз казалось падать слезы.

«Неужели настоящие человеческие слезы?» —
подумал Серега. И ему захотелось посмотреть на
свои слезы. Серега открыл глаза. Со всех сторон
в голову под черепную коробку с шумом падал вода.

— Ну пайден, — крикнул Серега, — газа не помогут.
Вода очень много, а человеческие слезы разные от
этого из-за нее меня била Володяка.

«Постой, постой, а что если начать шушпать воду?
Верно, слезы горячие воды и их сразу отличишь
от температуры». Серега начал неконо погружать

воду и совсем неожиданно увидел возле себя блод-
ную корзину девушек. Девушка дынилась вместе
с ним в течении.

«Это из-за нее меня била Володяка?»
Но почему девушка стоит в такой грязной воде?

В таком настроении держаться нельзя. Держаться
может, перекусив кашкой или даже с девушкой стоит
по какой-то диагональной линии...

«Захвати ее с собой, пусть подышит.

Плавай вдоме на вибрехе было не так уж трудно,
как плаваться над водой.

Новая порция вибрехов — и Серега перестал ду-
мат о сасахах и Володе.

Плыть вдоме было значительно труднее, чем
поплыть на поверхности.

Вибреха была только одна правая рука. Ее
им приходилось вымывать чистым стеклом.

Дышать было очень трудно.
Серега вспомнил тот день, когда он заспорил с
Володей о школе плавания.

Лето было жаркое, и Володя предложил начать
учиться плаванию.

ей большого значения. Володка поступила иначе. Он встал и со всеми размазал стулом тенора под супом.

Потехал автомобиль скорой помощи.

Висячий из машин врач растерялся.

— Катя, Катюша, — говорил врач.

Начальника лодочной станции поведение врача удивило.

— Простите, — сквака начальник, — но среди утопленников никакой Катио не должно быть. Утопленников для доктора однозначно.

Врач скорой помощи не обратила внимания на называние Катио. Он слушал дыхание девушки и продолжала повторять:

— Катя, Катюша...

Наконец девушка открыла глаза. Сначала она ничего не понимала и беспечно смотрела на Володю, затем взор ее перешел на врача. Краска стыда залила ее щеки, и она попыталась закрыться аллоними.

— Не волнуйтесь, Катя, — сказал врач и, быстро сняв халат, набросил ей на девушку.

— Небольшое прогревание на реке, а сейчас все в порядке, — сказал Сергей, — лодки Володки и обмыли в сторону своего друга.

Но Серег уже не было.

Его зваливали кружка столярных из цехах Кати, и он убежал вниз, чтобы отдохнуть.

— Ушел, — сказала Володка. — Но ты не беспокойся, и его найду и познакомлю с вами.

— Вот большое спасибо вам и вашему другу, — говорила Володка врач скорой помощи. — Знаете, очень обрадовалась я в ее годы. Катюша только недавно приехала из Москвы в нашу деревню — и получила первичный практикантский смородину.

Володка девушку наконец поняла, какой опасности она недавно подверглась. Из глаз ее брызнули слезы.

— Эх, барышня, вам ли волноваться, — ласково успокаивая девушку начальник лодочной станции. — Ваше дело легкое — мы потому вам, бы, и напоминали на все. А мне почему не было бы. Меня про-курор стал бы мунтун.

— Когда Серег, одетый и причесанный, изобразил невесту, мы смеялись, было, да, у нас было, — улыбнувшись, уточнила Володка, — в довесок. Трудно у Серега что-то забыть и сколько. Ему захотелось найти и ударить по скелетам того самого подростка, который гнался темором говором о Катице обидные вещи.

Но было поздно. Темор уже побил Володку, и он же уехал с девушкой в город.

П

Через несколько дней было установлено точно: Сергей погиб Катю. Володка принес к этому заключению подсчет недельных наблюдений за работами и поведением этого друга.

Серег проплывал, забыв романтический финал приключения на реке, ни той овсянки паниной грязи не выхлопал из головы.

Для Володки поведение Серега было непонятно.

— Зачем сюзун? — говорил он. — Всёмы и познакомился с Катией, в книжном притоны ее разделяет она работает и ищет же болычину.

— Не могу, — возразил Серег. — Это нечестно. Это нечестно, — повторил Серег, — и это нечестно.

Это нечестно, — сказала и самой заставила девушку любить меня. А у этой девушки, может, уже и женки имеется... И вообще, что общего у меня, плавника доменного цеха, с медицинским рабочим?

— Да, ведь, она же комсомолка.

— Тем хуже для нас.

— Так же что же мы придумаем?

— Нам нужна база, — сказала Серег.

— Как, и в любви база? Да что с тобой? — спрашивала Володка. Да ладста бездельника не хотят, да и самому — ты ищешь в этом какую базу. Я намеревалась учиться плаванию, чтобы спать пунка чайки.

— А скажи по совету... — спросяла Серег, — из чьей стороны оказалась правда? Ты хочешь учиться плаванию, чтобы только спась от жара, а я ратовала за социальный состав утопленниц. И что же?

— Что же! На сей раз прав ты, — согласился Володка. — Ты удачна социальный процент утопленников. И за этот процент Екатерина с удовольствием расцелует тебя.

— Хорошо, если бы расцеловала.

— Помоему, все зависят только от тебя. Будь смелее.

— Смелости здесь не при чем, — ответил Серег, — здесь база нужна.

— Ну, какая база?

— База, которая обединила бы наши интересы с Катей и на основе которой мы смогли бы по-настоящему узнать друг друга, не отрываясь от интересов социального строительства.

— Да-а, — заметила Володка. — Длинный путь ты для себя набираешь...

Через пару дней Сергей прибежал к Володке на гомонину (Володка был монтажным мастером и руководил настенной газетой).

— Ну, подозвали? — сказал Сергей.

— Неужели поцепляли? — обрадовался Володка.

— Пока нет. Но скоро подаду.

— Так с чем же тебя, собственно, позларят?

— С базой.

В обеденный перерыв друзья встретились для более длительной беседы.

— Ну, рассказывай, — сказала Володка, и Сергей начал.

Прежде всего, — сказал он, — нам нужно установить с математической точностью, что такое любовь. Любовь, по-моему, это — сумма перспективной, которая получается от одной пары сдвигаемых знаменитостей. А раз это так, то любовь является частью функции человека. Мы же с тобой, Владимир, живем в переходном периоде, когда под жиронами истории лежат формы людской замысловатности и когда даже любовь должна быть услугой всему обществу, а не часами всеми аспектами человеческими и индивидуальными. Понятно?

Нет, — сказала Володка.

— Почему?

— Ты меня прости, Серега. Но я что-то не разбираю, где же та база, стань на которую ты сможешь наконец заключить в свою обицу Екатерину?

— Да. Генеря и вину, что в абстрактном мы-

тел. Наоборот, ВЛКСМ всегда был рад помочь профсоюзам в их последней связи с массами.

— А-а! — пробурчала председатель. — Если так, то почему тогда ВЛКСМ зава какие-то тайны и не хочет отвечать профсоюзам на их вопросы?

Секретарь рассказала, что поступили два заявления с предложением организовать массовый рабоче-медицинский поход за чистоту и гигиену.

— Вот это да! — крикнула в свою очередь председатель, — а мы, извините, настолько занятыми были, — я и помягче теперь, кошмарными синими, как профсоюз доменного цеха, умели организовать инциденты!

— Почем профсоюз? — возмутился секретарь, — это мы организуем инциденты!

— Как вы?

— Так. Заваление-то писали комсомольцы.

— Вот это здорово! — сказала председатель, — а разве комсомольцы не состоят одновременно членами профсоюзов?

— Но это же нечестно, — продолжал растерянная секретаря. Я с тобой по-товарищески подошла ради этого, в ту ты радость укрась холода! Я в районе побеги заслышала...

— Пожалуйста. Пока ты будет становиться, мы от эхов цехового комитета — раздольно составить список, а тогда, друг милицы, пойди, попробуй, доказать, кто у тебя радость украсил!

Секретарь доменной печи не стала спорить и по-нашему в райкомах за помощь. В райкоме как раз в это время шло очередное заседание бюро.

— Несчастный! — кричала, вбегая, секретарь доменного цеха. — Чем пунуты помочь?

— Капа помощь? — спросила заворот райкома, — головой толком?

— Говорите толком невозможность, — сказал секретарь, — это не имеется времени. Нас в данный момент обставляет цеховой комитет доменными, и если мы не находим, то заскимся в интересном деле.

— Так, — согласился заворот. — А в чем заключается суть этого дела?

— Суть заключается в том, что к нам в ячейку поступила одна из профсоюзниц, — сказала секретарь под парадом юношей против гриппа и брюшного тифа, — из цехового комитета, — прошлагомленные комсомольские знамена предлагают немедленное и решительное решение:

Одобрить выездной рабочий, усиливший в политико-испитательной работе райкома.

— Одобрить поступившую инициативу комсомольцев доменного цеха. В скобках от ИТС — Серега и от рабочих — Владимира, — фамилии последних узнают и спасут дополнительно.

Поручить комсомольской ячейке болычинцы под ответственность секретаря сегодня же связаться с КСМ доменного цеха и начать совместный поход против бронхиальной.

— Чем занимается рабоче-медицинский поход доменного цеха?

— Недодуманные и разогнаные, возникшие между комсомолом и профсоюзами в начале кампании, были быстро улажены в третий инстанции.

— Теперь уже и секретарь ячейки и председатель цехового комитета шляпку оба на походе и венам за собой ударились санитарии и гигиенисты.

— Нужно отдать должное и работникам местной больницы, которые выделали доменному цеху в помощь 10 медработников во главе с комсомольской Катей.

— Шадо время, бистро бежаки часы. Рабоче-медицинский поход расширяется! ?

— Там же вчера были кучи мусора, сегодня становятся чисто.

— Помимо углем и заложками цехов и квартир ходили смешные комиссионные врачи и дарвинины, творя даскильи наполеоновских дядей. Комиссии бланки проходящие стены ставили в коридорах баки с кипящим водой, штрафовали комендантам домов и народом бесседы с домохозяйками.

Комиссии работали, художники рисовали, а по-зимникоам споткатории азотини:

«Брионитофизионный виброн» — не шутка, Слайды за действием же забудут.

Кругом все блестело, народ виду радовался, и только Сереге было зверски грустно.

Дело в том, что кампания, так удачно начатая дружинами, неизподданно завершилась совсем не так, как хотелось волынскому комсомольцу. В самый последний момент в его комиссии же включили Екатерину. Она работала в другой комиссии. Правда, Серега как инициатору похода дал в помощь лучшего фельдшера всего района — старого борца

«И местной многотысячной № 40».

и бригадиром, но все эти фальшиворечевые качества были Сергею, по совету, ни к чею.

Сергей не разделял даже то, что его комиссия благодаря трудам и оплаты лучшего борца с бригадиром не сочла из первой строки рапортов и сподоб.

И все-таки самое тяжелое было не в этом. Горе Сергея усугублялось тем, что он благодаря своей никоему, гениальной принципиальности должен был спасать действительное состояние своих чувств и ради этого вместе со всеми санитарными приспешниками помешенного цеха в то время, как ему хотелось спастись и пакостить.

Понуро бродил он все дни похода по земному шару.

Недовольствующий Володька все мудал, когда находит Сергея идет в себя и перестает теоретизировать там, где надо действовать. Он нарочно, нарушив все условия, показал Екатерине Сергея.

Ката давала позорные ссоры с Сергеем, и несмотря на это, романтическое прошествие не прекратило дальнейшего развития. Как ни странно, разговор между уполномоченной и ее рицарем дальше бригадирка и брюшно-тифозных вибронов не длился.

III

Шло время, быстро бежали часы. Работо-медицинский поход давно застывался. Стены вузов уже снова закоптились, мусорные ящики покрылись грязью, посты разъясняли о своих тяжелых и люди стали забывать бригадофонные звукозаписи.

Только в центре сердце Владимира жила память о три упущенных временах и теоретическом аскезизме Сергея.

Сергей чай.

— Каков же выход ты придумал? — спросила Володька.

— Выход у меня давно лежит. Я хочу любить девушку на крепкой производственной базе, ибо производственные интересы сохраняются на всю жизнь, а скисые ямочки пропадают через пятнадцать.

— Уж я решена ли ты повторить рабочо-медицинский поход?

— Решена.

Володька всхлип, и перво прошелся по комнате. Ты просто вона, Серега, — сказала он, — может я поступлю по-товарищески, а ты против похода. Нельзя же в самом деле напоминать каждому раз по три тысячи рабочих только для того, чтобы онежин какую-то комсомольскую пару.

— Почем какую-то?

— Да — Не один же ты хочешь обнимать девушку. Теперь представь себе, что все патемнички сидят в ВАКСИстане на твоем почву зрачка и портят познания любви только на крепкой производственной базе. Это что же, для всех вас и нужно будет организовать рабочо-медицинские походы?

— Во-первых, не для всех, — сказала Сергей, — это только у меня такое искательское положение, або я — плавники, а Ката — вачрика. А во-вторых, я сейчас хочу привлечь к борьбе не три тысячи, а пятьдесят меньше.

— Сильно же?

— Всего двадцать касперианских тбосей бригады, Ми их скатерти на противовирусную прививку.

— Ну?

— Ну, а прививку будет делать Ката. Таким образом во время прививки мы с ней узнаем друг друга...

...Володька первым прошел в кабинет врача и Екатерина быстро всадила ему в спину. За них дышались касперианцы. Они гуском брались за плечи и пахали, и каждый из них получал свою порцию вакцины.

Дальше всех не решалась делать прививку Серега. В ее группе она окрестоиницкая борьба между двумя сиамами.

— Ну в ноге — счастие, — говорила вторая сиама.

— Странно, — сказала первая сиама, — производственная база... — склоняясь к ноге сиама. — Ты же сама работала против школомицкой любви.

— Но у Кати же нет ни цокальных ямочек, — упорствовала первая сиама.

— Это — беспричинная отговорка. Зато у Кати есть туго губы, — кричала вторая сиама.

— Мне страшно, — заявляла первая сиама.

— Ну бойся, — успокаивала вторая сиама. — Прививки тебе не боится никто, и она пронет в твоих зрачках тебе страшнее.

Нога шла борбой между двумя сиамами, вся третья володьковская бригада прошла мимо Кати.

— Неужели струсила? — спросила Екатерина Серега.

— Никак нет, — ответила Сергей и ответ получился у него неожиданности солдатской.

Раз нет, тогда подходит к столику.

Сергей смело подошел к Екатерине. Он решил подчиниться зову второй силы и пристально глядел в глаза девушек.

— Ката, — сказал он, — наконец правда, гордилась арачкой Екатерине... — правда о спящей молодой девушке комсомольца.

Но Ката не поняла, зачем Сергей хлопотливо мигал ресницами.

— Поворачивайтесь, — сказала она ему. — Мы сегодня вечером только под лопатки.

Сергей растерянно повернулся спиной к Екатерине, и из неподчиненных его глаз покатились слезы...

Два дня Сергей не вставал с постели. Температурная кривая упорно дрожала на 39-м делении Цельсия.

Володька решал в последний раз помочь другу.

— Все-таки любишь? — спросил он.

— Люблю.

— Хочешь, я помогу?

— А как?

— Это уже мое дело.

Как, согласен?

— Согласен.

— Ра, согласен, — сказала Володька, — тогда давай звонить к столовой.

По дороге в столовую Володька откликнулся у занавеса несколько здравомысльных нервей и, выбросив олдого топириксе, бросился завернуться в него в бумагу.

С воловьей дружбой быстро поели суп, а когда Сергей хотел приняться за второе, Володька тихо вытигнул у него из рук тарелку и осторожно вложил в карман в переднюю котлету.

Это — зачем? — спросил Сергей.

— Ты не зачинши, — Черник нам

поможет устроить небольшой скандал заведующему столовой.

Заведующий увидел червика и моментально обмяк.

Этого было достаточно, чтобы обывающие моментально поддались искривленнейшему скандалу.

После этого крика изливали свою душу. Володька устроил скандал, акт, да его подпись искальзывала сидевшему за столом котлету с червиком в булгаку и крокинку в тодли.

— Граждане, не волнуйтесь! Мы сумеем найти управу на виноватых!

В болицнице Володька потребовала немедленного визита Екатерине и шепнула Сереге:

— Ну, друг, смотри, теперь не подкладывай.

— Кто тебе держится за живот, жалюстите и рассказывайте о котлете.

Серега — идеальный спровоцированный — вылезла на этот раз все требования своего друга. Он так крепко держался за живот и так желалось разговаривать о котлете, что вымытую Екатерину из профессионального врача-реваншиста.

— Пожалуйста, минуточку, — сказала она друзьям, — я вызову главного врача.

Екатерина убеждала внутрь болицнице.

— Чем же котлера будут? — спросил Сергей.

— То же самое, — сказала Екатерина.

— Но ведь Ката вымыывается из нашего плава.

— Это неважно, — спокойно сказала Володька.

Внимательно посмотрел на Серегу. — Ката только недородила, а по твоей же собственной теории и для успеха всякого дела важна главным образом база.

— Как же так?

— Если я правильно поняла тебя, — отвечал Володька, — то ты всегда более исключительно за общественно-полезную сторону любви, так?

— Так.

Володька ходил в клуб с Екатериной.

— Ну, общественно-полезная сторона только выиграет от замены Кати.

Главный врач внимательно выслушал Серегу, осмотрел котлету и совсем неожиданно сказал:

— Котлета — добровольческая.

— Почему добровольческая? — удивился Сергей.

— А как же по-вашему червей?

Главный врач посмотрел на акт и спросил Серегу:

— У вас большие рези?

— Невозможные, товарищ доктор.

— Ну, вы не волнуйтесь. Мы сейчас вам поможем, — сказала главный врач, и обернувшись в сторону Кати добавила:

— Товарищ дежурный, отведите болицника в кабинет, — и виноватые моментально пронесли ему жалюдук. Котлету мне придется взять с собой.

На этом разговор в болицнице поднялся паника.

Весь медицинский персонал болицницы разсыпался Согрея.

Серега, как это было установлено после, поворотно скользнула, испугавшись промывки.

Побыв Серега помогла санитарным беседованием и санитаром было виновато и долю доложено членам и взятым на руки с газами воронко скопчица, а через 15 минут в болицнице поднялась паника.

Весь медицинский персонал болицницы разсыпался Согрея.

Серега, как это было установлено после, поворотно скользнула, испугавшись промывки.

Побыв Серега помогла санитарным беседованием и санитаром было виновато и долю доложено членам и взятым на руки с газами воронко скопчица, а через 15 минут в болицнице поднялась паника.

Весь медицинский персонал болицницы разсыпался Согрея.

Серега, как это было установлено после, поворотно скользнула, испугавшись промывки.

Побыв Серега помогла санитарным беседованием и санитаром было виновато и долю доложено членам и взятым на руки с газами воронко скопчица, а через 15 минут в болицнице поднялась паника.

— Пусты сознаться, — говорит Серега, — пусть Володька гуляет под руку с Катой, зато я буду бороться. Я должен стать на-страже марксовой диалектики.

Так говорила Серега.

Он искренне хотел положить свой живот на зерно диалектики, и ему, несчастному, было известно, что отец материалистической диалектики, Карл Маркс называл таких диалектиков пошлаками.

КАБАРДА

Афаша́гов — молодой поэт Кабардино-Балкарской области, школьный рабочник.

В своих произведениях он отображает жизнь кабардинской молодежи, социалистическое строительство и коллективизацию деревни.

Ветань, Гамид, вонн Осхада:
Вас обоих ждет Махмуд,
Всех трех уже с восхода
Бедники на пашне идут.

Самшым длинные мычанье
Ождающих волов.
Запрягайте их, сельчане,
Каждый должен быть готов!

Самшым простые ржаные
Ождающие коней.
В колхозных поймах, сельчане,
Будут в сотни раз сильнее.

'Будет все в хозяйстве нашем,
И не на одну весну.
Меня все мы перенесем,
Пашню сделаем одну.

Сотни весен мы страдали,
Нынче — новая весна.
Безоловодный — путь доставши,
Бездолийный — семена.

У кого же тодко лошадь,
Только лошадь он пришел...
Вот у всех — наезд хороший,
Лошадь, плуг и верный вол.

Вместе с первыми волами
Мы ложим к средине дни...
Погладите — с бедниками
Вышел также серединка.

Всех волов обединяй,
Лошадей приглашаю всех,
И с такою новой сплошной
Новой начали посып.

Сотни лет кулаек шакаю
Жила от крови бедника.
Дни иные запягали —
Прячется в пору шака.

И, винтовку поднимая,
Встал нам первый часовой,
Наша армия родила,
Над нимошник боевой.

Жизнь иную мы построим
Под защитой его,
Мы кору кульяю издрев,
Не оставим никого!

Вместе с партией мы встаем,
Мы приложим все труды,
И душою мы восприем —
Бедники из Кабарды!

Перевод с кабардинского

А. ШПИРТ

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы и очерки:

Д. Бергман — Бригадиром с Эльбы	9
А. Бакунин — Два праздника	10
М. Павлов — Человеческая судьба	12
А. Григорьев — О Бирборгах и о походе	14
Г. Никитин — Весенний вспашка	14
М. Бенкнер — Победа комсомольского драм-трупа (о новой пьесе М. Колесова)	16
В. Константинов — Весенний вспашка	17
М. Голенищев — Биоктериофаг — пожиратель микробов	18
С. Наринчикин — Любимы два товарища	21

СТИХИ:

А. Афширов — Кабарда (перевод с кабардиц.)	24
А. Шпирт — Синдром	7
Б. Макаров — Коюх	7
Е. Абрюсик — Индивидуальный подков	12-13

Бергольд Бригг, Сергей Третьяков — Песня под гитару, повавшего в фашистскую шту/мозги

7

В творческом коллективе «Сны»

7

ЛАБОРАТОРИЯ ТВОРЧЕСТВА:

7

М. Колесов — Почему у т. Ильин не получается пьеса

8

БЫТОВАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

8

РИСУНКИ:

8

Л. Бродат, И. Семенова, Л. Баскина, В. Брискина, В. Васильева, Л. Сойфертса,

Л. Иванова — ввод «Динамо», А. Родченко, Б. Иванников, Е. Лебедев и Сокзабро.

ФОТО:

8

Из архива «вода Динамо», А. Родченко, Б. Иванников, Е. Лебедев и Сокзабро.

Обложка работы худ. Р. Ершанника — 1 мая на Западе.